

АЛЕКСАНДР
БОХАНОВ

РОМАНОВЫ

ПЛЕННИКИ СУДЬБЫ

Александр Боханов

Романовы. Пленники судьбы

«ВЕЧЕ»

2021

Боханов А. Н.

Романовы. Пленники судьбы / А. Н. Боханов — «ВЕЧЕ», 2021

ISBN 978-5-4484-8718-7

Книга известного российского историка, доктора исторических наук Александра Николаевича Боханова (1944—2019) рассказывает о судьбах династии Романовых. В кратких очерках автором рисуются портреты русских монархов от Михаила Федоровича до Николая II. В этой книге нет рассуждений о государственном служении монархов, набивших оскомину оценок «роли в истории» того или иного коронованного правителя России. Это рассказ о малоизвестных страницах истории дома Романовых.

ISBN 978-5-4484-8718-7

© Боханов А. Н., 2021

© ВЕЧЕ, 2021

Содержание

Глава 1. Отблески погибшего мира	6
Глава 2. Круг избранных	9
Глава 3. Начало династии	15
Глава 4. Время Царя Тишайшего	23
Глава 5. Разрушение Московского Царства	38
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Александр Николаевич Боханов

Романовы. Пленники судьбы

© Боханов А.Н., 2021, наследники

© ООО «Издательство «Вече», 2021

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2021

Глава 1. Отблески погибшего мира

Уходят дни и годы, текут века, меняются эпохи и нравы, рушатся некогда могучие государства, распадаются великие империи, но остаются человек и человечество. Жизнь каждого Homo sapiens индивидуальна, но любая частная судьба неизбежно фокусирует конкретное время и события его. В непрестанной смене поколений, в потоке времен и эпох выражается история, этот великий, по словам Шекспира, «театр», где неизменно главный герой – человек.

Чем самобытней личность, чем выше ее духовные запросы, общественные интересы и социальное положение, тем ярче в летописи минувшего запечатлевается исторический образ, тем сильнее, выразительнее биография такого персонажа доносит до потомков голоса и звуки ушедшего, его неповторимый колорит.

При всей уникальности каждой «главы истории» именно общечеловеческое связывает «вчера» и «сегодня», придает давно отшумевшим страстям современное звучание, вызывает отклик у потомков. Через века и тысячелетия, даже не зная почти ничего о Древней Греции, средневековых Англии и Италии, дворянской России, люди переживают, страдают и плачут, узнавая перипетии судеб героев Еврипида, Софокла, Шекспира, Данте, Пушкина именно потому, что это рассказ о вечном: о добре и зле, о любви и счастье, о верности и предательстве, о власти и справедливости, о надежде и безысходности.

В анналах мировой истории существуют реальные фигуры, прославившиеся или добрыми делами, или своими злодеяниями и навсегда оставшиеся символами света или тьмы. К числу первых относят, например, Жанну д'Арк и Авраама Линкольна, а к их антиподам («антигероям») безусловно причисляют таких «рыцарей мрака», как Калигулу, Нерона, Гитлера.

Однако рядом с «одноцветными» историческими образами, всегда находилось куда больше тех, судьбы и дела которых вызывали и вызывают споры, у которых неизменно встречались как преданные сторонники, так и не менее горячие противники: Александр Македонский, император Константин, Чингисхан, Мартин Лютер, Робеспьер, Наполеон, Бисмарк, Черчилль, Франко.

Подобная же разноголосица наличествует и применительно к персонажам русской истории. Наряду с теми, чей подвиг служения добру, свету, справедливости, благополучию государства и народа не подвергается серьезному сомнению – Святой Владимир, Ярослав Мудрый, Александр Невский, Александр Суворов, Михаил Кутузов, Великая княгиня Елизавета Федоровна, существуют имена, вызывавшие (и вызывающие) разноречивые суждения: Царь Иоанн Грозный, Император Петр I, Императрица Екатерина II, Император Павел I, князь Александр Горчаков, Император Александр II, Петр Столыпин, Владимир Ульянов-Ленин, Иосиф Сталин.

Одни авторы возносят этих деятелей на пьедестал, другие же, столь же однозначно, ниспровергают, рисуя их исторические портреты самыми темными красками. Получается или умилительно-сусальный образ, или зло-гротесковый портрет. Некоторые пытаются избежать крайностей, смешивают черное с белым, но в результате возникает нечто безликое, серое, мало подходящее на живое изображение.

Данная книга посвящена повседневной жизни, духовному, нравственному облику людей, волею судьбы оказавшихся с первого мгновения своего земного бытия в исключительных исторических обстоятельствах, объясняемых и вызываемых особым общественным положением своих предков и родственников. Эти люди носили фамилию Романовы.

Представители этой Династии владели Царской короной России – Российской Империи на протяжении более 300 лет: с февраля 1613 года до марта 1917 года – и дали России 18 монархов, при которых страна превратилась в мощное государство, пережила великие и трагические страницы истории. Некоторые из них являлись «повелителями» лишь номинально:

Иван Алексеевич, Петр II, Иоанн Антонович. Большинство же были полноправными правителями, став олицетворением целых исторических эпох...

Однако эта книга не об истории Царей и их царствованиях. Она о людях Царского Дома, о тех, кто входил в небольшое, но невероятно влиятельное сообщество – Императорскую Фамилию, насчитывавшую к 1900 году 50 персон.

Дом Романовых был связан родственно-брачными униями почти со всеми монархическими владетельными (правлящими) домами Европы. Когда Русский Царь приезжал в Берлин, Копенгаген, Афины, Брюссель, Вену, Лондон, Стокгольм, то здесь его обязательно принимали с почестями, как представителя могучей державы. И почти во всех уголках Европы русские цари встречали и своих родственников: королей, наследников престолов, принцев и принцесс, других именитых, носивших родовитейшие аристократические титулы.

Этот заповедный династический мир ослеплял великолепием, величием и изысканностью. Доступ куда был раз и навсегда закрыт для непосвященных. Его парадную сторону дозволялось благоговейно лицезреть лишь издали.

О различных эпизодах семейной жизни Дома Романовых и повествуется в данной книге. Наряду с царственными особами пойдет речь и о близких родственниках Венценосцев – Великих князьях и Великих княгинях, игравших заметные роли при Русском Дворе, некоторые из которых оказались в центре различных эпатазирующих событий, волновавших и занимавших умы не только единокровных.

Любая «громкая история» в Царском Доме гулким эхом отзывалась далеко за пределами великокняжеских апартаментов. Личное здесь неизбежно приобретало характер общественного. Это была неизбежная плата за роскошь и благополучие, за исключительность, которые доставались этим людям по праву родства.

Являясь по своему статусу государственными людьми, жизнь и дела которых, согласно писаному закону и непререкаемой традиции, подчинялись интересам Империи, надобностям ее внутренней и внешней политики, они обязаны были, вне зависимости от возраста и склонностей натуры, неукоснительно следовать долгу верности старшему в Династии – Монарху. Так было написано на роду, так было заповедано предками, так распорядился Господь. Однако далеко не все готовы были положить жизнь на алтарь долга. Некоторые тяготились своей участью, которую не избирали и которую изменить не имели права.

Внук Николая I, двоюродный брат Александра III великий князь Константин Константинович (1858–1915) посвятил своей судьбе проникновенные поэтические строки:

Я баловень судьбы... Уж с колыбели
Богатство, почести, высокий сан
К возвышенной меня манили цели, —
Рождением к величию я призван.
Но что мне роскошь, злато, власть и сила?
Не та же ль беспристрастная могила
Поглотить весь мишурный этот блеск,
И все, что здесь лишь внешностью нам льстило,
Исчезнет, как волны мгновенный всплеск?

Подобные мысли приходили в голову не только поэту – Великому князю. Следовать историческому предназначению, подчинять мысли и дела царскородному служению, каждодневно, без перерыва, находиться на общественной сцене и почти неизменно в первых ролях было очень непросто. Жить в хрустальном дворце, находиться на виду сызмальства, весь земной срок – на то далеко не у всех и не всегда хватало характера, воли; не все выдерживали подобное трудное испытание.

Обычные человеческие страсти, радости и слабости неизбежно давали о себе знать. Случались различные неприятные случаи, нежелательные происшествя, эпатажные амурные истории, порой потрясавшие Династию, а некоторые даже грозили стабильности не только Фамилии, но и государства.

Браки, разводы, «непозволительные увлечения», «неприличное поведение», будучи формально бы внутрисемейным делом, фактически таковыми никогда не являлись. Все, что происходило внутри Царского Дома, приобретало характер важного общественного события, которое обсуждали не только в России, но и за ее пределами.

XX век стал веком крушения Монархии в России. Победившая революция не только смела Коронную власть, но и сорвала покровы с самых сокровенных тайн Династии, сделав бывших «баловней судьбы» изгоями времени и своими жертвами. «Политические надобности» диктовали резко отрицательное, даже уничижительное отношение к тем, кто некогда обитал на невероятной высоте, олицетворял силу и мощь огромной Империи.

Им ничто не прощали и винили даже в том, в чем те повинны никогда не были. Ошибки оценивали как «преступление», заблуждения – как «скудоумие», слабости – как «ничтожество», а сердечные увлечения – как «аморальность». Почти никто не хотел понимать и непредвзято составлять жизнеописания людей, некоторые из которых в самые трагические моменты истории проявляли истинное человеческое благородство, демонстрировали величие души, о которых никто и не подозревал.

Сообщество Романовых включало несхожих людей, разнившихся по своим культурным запросам, уровню кругозора, навыкам, интересам. Члены Императорской Фамилии служили Родине на разных должностях, погибали на полях сражений, участвовали в культурной и общественной жизни.

Среди них встречались нелукавые военачальники, небесталанные поэты, тонкие ценители красоты, знатоки конкретных наук. Большинство их являлось истинно православными людьми, и именно последние Романовы обогатили пантеон православных святых: Великая княгиня Елизавета Федоровна, Семья Последнего Царя.

Об этих людях и пойдет речь в книге. Их мир, их повседневность, человеческие радости и печали раскрывают не только индивидуальное, мирское, сиюминутное, но и отражают свет великой исторической галактики под названием «Российская Империя», навсегда исчезнувшей с «карты исторической вселенной» в переломном для России 1917 году.

Глава 2. Круг избранных

Российский Императорский Дом включал родственников Монархов. Их права и преимущества определял специальный свод нормативных актов, носивший название «Учреждение об Императорской Фамилии». Он появился в 1797 году, и с тех пор права и обязанности Царской Семьи стал регулировать закон. Центральное положение в этом нормативном документе – право на Престол.

Ранее Царь сам мог назначать себе преемника. Теперь же династическая иерархия строго регламентировалась писаной нормой. В законе говорилось: «По кончине Императора, Наследник Его вступает на престол силою самого закона о наследии, присвояющего Ему сие право. Вступление на престол Императора считается со дня кончины Его предшественника».

Тронопреемником мог стать лишь потомок Императора. Если детей мужского пола у Царя не было, то закон предусматривал в таком случае переход короны к брату Монарха. Не оговаривалась лишь одна ситуация: возможность добровольного отречения Самодержца от престола.

Царская власть являлась безусловно наследственной, передавалась от отца к сыну. Наследник (Цесаревич) становился Императором сразу же после смерти своего предшественника. Это было древнее земное установление.

Но существовал еще ритуал церковного освящения Царской Власти. Необходимость его так же оговаривал закон: «По вступлении на престол, совершается священное коронование и миропомазание по чину православной Греко-Российской Церкви. Время для торжественного сего обряда назначается по Высочайшему благоусмотрению и возвещается предварительно во всенародное известие». Церемония всегда происходила в Успенском соборе Московского Кремля.

Все потомки Венценосцев получали звания Великих князей и имели ежегодное содержание. На эти цели использовались средства от земельных владений Романовых, которые волей Павла I были объединены и получили название «удельных». Ими управлял особый Департамент уделов (позже – Министерство Императорского Двора и уделов).

В 1886 году некоторые положения «Учреждения об Императорской Фамилии» были пересмотрены: отныне звания Великих князей распространялись только на детей и внуков Императоров. Остальные именовались «князьями императорской крови», и им полагались лишь единоразовые денежные выплаты при совершеннолети и вступлении в брак.

Представительницы женского пола, состоявшие в близком родстве с Императором, именовались Великими княжнами (княгинями) и сохраняли великокняжеское титулование даже после выхода замуж за иностранных принцев и монархов. В этом случае их потомство не включалось в состав Императорской Фамилии.

Правовая норма детально определяла брачные дела членов Фамилии. Романовым надлежало жениться и выходить замуж лишь за представителей других владетельных (правлящих) династий. Каждый царский родственник обязан был получить «соизволение на брак» от старшего в роду, которым, вне зависимости от возраста, всегда считался Император. Без согласия Монарха никакой брачный союз законным не признавался.

К началу XIX века Императорская Фамилия насчитывала менее десяти человек. Медленно, но неуклонно круг царскородных избранных расширялся.

Император Павел I (1796–1801) имел десять детей. Сыновей Александра (1777–1825), Константина (1779–1831), Николая (1796–1855), Михаила (1798–1849) и дочерей Александру (1783–1801), Елену (1784–1803), Марию (1786–1859), Екатерину (1788–1819), Ольгу (1792–1795), Анну (1795–1865). Все (кроме Ольги) имели свои семьи, и численный состав Царской Фамилии заметно увеличился.

После гибели в 1801 году Императора Павла Петровича на Престол вступил его старший сын Александр Павлович (Александр I). У него сыновей не было. Две же дочери умерли в ранних годах: Мария в возрасте одного года в 1800 году, а Елизавета – в 1808 году, не дожив до двух лет. Некоторые усматривали в том кару Божью за то, что Александр оказался замешанным в заговоре против отца, который привел к свержению Павла и его убийству.

По закону после Александра Павловича трон должен был перейти к следующему сыну Павла I – Константину. Однако тот состоял с 1820 года в мorganатическом (разнородном) браке с польской аристократкой красавицей графиней Иоанной Грудзинской, княгиней Лович (1795–1831) и по закону прав на корону не имел. Более того, чтобы получить разрешение обвенчаться с ней, Константин письменно подтвердил отказ от своих прав на престол.

Историки так до сих пор точно и не установили, почему этот факт – отречение брата – Александр I держал в тайне до самой смерти. Но подобная секретность сыграла в конце 1825 года печальную роль.

Когда умер Александр Благословенный 19 ноября в Таганроге, то возникло неопределенное положение. В некоторых местах Империи стали присягать на верность новому Царю Константину I (с его изображением изготовили даже монеты), в других же – Николаю I. В Петербурге дело дошло до бунта, позже получившего название «восстания декабристов». В конце концов все определилось: в соответствии с законом Монархом Самодержавным (неограниченным и независимым) на последующие почти тридцать лет стал Николай I Павлович.

Николай Павлович состоял в супружестве (с 1817 года) с урожденной Принцессой Прусской Фредерикой-Луизой-Шарлоттой-Каролиной, получившей в Православии имя Александра Федоровна (1798–1860). Этот брак породнил Царский Дом с династией Гогенцоллернов, правившей в Пруссии на протяжении нескольких веков, а с 1871 года ставшей и правящей династией объединенной Германской Империи.

Александра Федоровна – дочь Прусского короля Фридриха-Вильгельма III и сестра первого Императора Германской Империи Вильгельма I (1797–1888). Сын же Николая I – Царь Александр II – доводился Германскому Кайзеру племянником.

В XIX веке родственные узы связали династию Романовых почти со всеми владетельными домами Европы. Первые же, так сказать, международные брачно-семейные связи начали возникать в предшествовавшем веке.

Россия была провозглашена «Империей» при Петре I в 1721 году. Именно к тому времени восходит обычай, ставший с конца XVIII века непререкаемой традицией, – заключать браки с иностранцами. До Петра русскими царицами почти неизменно являлись русские же по крови и по рождению.

Неистовый преобразователь Петр Алексеевич и в семейных делах родственников перенял норму европейских стран, где давно уже стало правилом заключать равнородные династические браки. Сам в 1712 году обвенчался с нерусской – Мартой Скавронской, получившей в Православии имя Екатерина Алексеевна (1684–1727). Этот брак ни с какой точки зрения «равнородным» не являлся.

Избранница Царя (будущая Императрица Екатерина I) происходила из простой крестьянской семьи и до того, как в 1705 году на нее «распространил свою благосклонность» повелитель державы, успела пережить и испытать немало превратностей. Но Монаршая Воля – закон, и никто из подданных и думать не смел перечить владыке.

В отношении же семейных дел своих отпрысков Царь придерживался строгих европейских династических правил. Сына от первого брака Алексея (1690–1718) Петр I женил в 1711 году на принцессе Брауншвейг-Вольфенбюттельской Софии-Шарлотте (1690–1715), а дочь от второго брака Анну (1708–1728) выдал замуж за Карла-Фридриха, герцога Шлезвиг-Гольштейн-Готторпского (1700–1739). Их сын, получивший при крещении в Германии имя Карл-

Петр-Ульрих (1728–1762), и стал в 1761 году, после кончины своей тетки, дочери Петра I Императрицы Елизаветы, Царем под именем Петра III (1728–1762).

Этого внука Петра I в конце июня 1762 года свергла с престола группа заговорщиков во главе с его супругой Екатериной Алексеевной (1729–1796), урожденной принцессой Ангелът-Цербстской, провозглашенной расторопными клевретами после переворота Императрицей Екатериной II.

Вскоре Петра III умертвили (официально было объявлено, что он скончался «от геморроидальных коллик»), а Екатерина II заняла престол почти на тридцать пять лет. Она являлась фактически узурпаторшей, так как был жив сын Императора Петра III Павел Петрович (1754–1801), которого мать не любила. В последние годы своей жизни она вообще намеревалась лишить ненавистного сына Павла – правнука Петра I – прав на престол и переадресовать корону своему дорогому внуку Александру Павловичу (Александру I). Смерть помешала Екатерине II совершить еще один династический переворот...

Заняв трон, Павел I сразу же озаботился наведением порядка в делах Царского Дома и в первую очередь в вопросе Престолонаследия. Появление «Учреждения об Императорской Фамилии» и стало проявлением подобной заботы.

После Петра III в европейских династических справочниках правившую в России фамилию называли Романовыми-Шлезвиг-Гольштейн-Готторпами. В России же подобное титулование никогда не употреблялось, и Царскую Династию неизменно именовали Романовыми.

При Николае I состав Императорской Фамилии заметно увеличился. У Императора было семь детей. Александр (1818–1881), Мария (1819–1876), Ольга (1822–1892), Александра (1825–1844), Константин (1827–1892), Николай (1831–1891), Михаил (1832–1909). Многочисленным было и его потомство его детей: у Николая Павловича насчитывалось 28 внуков.

Некоторые из них умерли рано и собственных семей не завели. Почти все остальные жены и мужья Царских сыновей и дочерей стали членами Русского Императорского Дома. Исключение составляли лишь дети Ольги Николаевны, пополнившие Королевский род Вюртемберга – одного из государств Германии.

К середине XIX века в пределах Германии имелось несколько десятков государственных образований: от крошечных, насчитывавших 20–30 тысяч населения, до больших королевств, с миллионами жителей, такими как Пруссия или Бавария. Именно среди королевских, княжеских, герцогских и графских владетельных родов Германии, как правило, и подыскивались «спутники жизни» для русских Великих князей и княжон.

«Германская свадебная ярмарка» привлекала внимание не только Романовых, но и других дворов. В этой связи известный прусский политик – первый канцлер Германской Империи Отто фон Бисмарк (1815–1898) – язвительно назвал Германию «племенной фермой Европы».

После умершей еще в 1761 году дочери Петра I Елизаветы I все последующие русские Царицы имели немецкое происхождение. Существовало лишь одно исключение: супруга Александра III Императрица Мария Федоровна (1847–1928). Она происходила из Шлезвиг-Гольштейн-Зондербург-Глюксбургского Дома, и хотя немецкие корни этой Династии не подлежали никакому сомнению, но в Дании немецкое первородство никогда не признавалось.

В XIX веке в составе Императорской Фамилии появились носители иностранных (немецких) родовых титулов, указаконенные в России. Герцоги Мекленбург-Стрелицкие (брак племянницы Николая I Екатерины Михайловны с герцогом Георгом Мекленбург-Стрелицким в 1851 году); принцы Ольденбургские (брак дочери Павла I Екатерины с принцем Петром-Фридрихом Ольденбургским в 1809 году); герцоги Лейхтенбергские (брак дочери Николая I Марии Николаевны с герцогом Максимилианом Лейхтенбергским в 1839 году).

Родовые титулы этих герцогов и принцев признавались в связи с тем, что они переехали в Россию, став русскими подданными. Однако они представляли боковые (женские) ветви Царской Династии и прав на Престол не имели никаких.

К середине XIX века матримониальные связи выдвинули Романовых в ряд самых престижных правящих мировых династий. Царские родственники олицетворяли Фамилию, правившую в могучей и обширнейшей Империи, и перспектива породниться с Царской Фмилией сулила ощутимые политические выгоды. Династические браки по большей части вызывались именно политическими надобностями, диктовались потребностями государств и их правителей. Это была одна часть дела.

Другая, тоже существенная, состояла в том, что Царская родня стала уже вполне своей в аристократическом кругу избранных. Давно миновали времена, когда европейцев шокировали «плохие манеры» выходцев из загадочной восточной Империи. Теперь Цари и их близкие, безусловно, являлись светскими, образованными людьми, причем порой своим кругозором, искусством общения и изяществом манер превосходили тех, кто причислял себя к «лучшим из избранных».

К этому времени Царская Фамилия не только включила в свой состав выходцев из других владетельных домов, но ее представители занимали видное положение в европейском династическом мире. Самый яркий пример – шестая дочь Императора Павла I, великая княгиня Анна Павловна (1795–1865).

В свое время она могла стать супругой одного из самых легендарных героев европейской истории. В 1810 году Наполеон I (1769–1821) просил ее руки. Посол Франции в Петербурге (1807–1811) маркиз Луи Коленкур (1773–1827) официально высказал просьбу «Императора французов» Императору Александру I.

Подобное предложение озадачило и Царя, и его мать – Вдовствующую Императрицу Марию Федоровну. Возможный брачный альянс делал Россию заложником непредсказуемой политики Французского Императора. Однако существовало и другое соображение, куда более весомое, заставлявшее скептически воспринимать желание тогдашнего «повелителя Европы».

По всем легитимным (законным) представлениям той поры Наполеон Бонапарт являлся «узурпатором». Он – дитя страшной революции, свергшей и обезглавившей «Божьей милостью» короля Людовика XVI и королеву Марию-Антуанетту. В 1804 году Наполеон провозгласил себя Императором и силой заставил признать этот факт. Его коронацию в 1804 году в соборе Парижской Богоматери проводил сам римский Папа Пий VII (1800–1823). «Неистовый корсиканец» чувствовало искусственность собственного венценосного положения, его мучил своего рода «комплекс династической неполноценности». Он хотел иметь «законного наследника», утвердить во Франции новую Династию. Однако его брак оказался бездетным.

В 1809 году Наполеон развелся со своей первой женой креолкой с острова Мартиника Жозефиной Богарне¹ (1763–1814). Она была старше своего супруга на шесть лет, имела детей от первого брака и до встречи в 1796 году с генералом Бонапартом прославилась своими эпатажными любовными увлечениями.

После развода выбор Бонапарта пал на сестру Александра I. Русский же Царь не проявил по этому поводу никакого энтузиазма. Он передал повелителю Франции, что его предложение «делает честь России», но заметил, что, «по мнению матери», Анна еще слишком молода, чтобы вступать в брак. Наполеон воспринял отказ как оскорбление, и это не добавило ему симпатий к России. Вскоре он женился на дочери Австрийского Императора Франца I принцессе Марии-Луизе (1791–1847).

¹ В девичестве ее звали Жозефина Таше де ля Пажери. Фамилию Богарне она получила после замужества с Александром Богарне (1760–1794), казненным по решению революционного суда. От Александра Жозефина имела двоих детей: Евгения (Эжена) (1781–1824) и Гортензию (1783–1837). Эжен, усыновленный Наполеоном, женился в 1807 году на дочери Баварского Короля, а уже после падения Наполеона получил от тестя титул герцога Лейхтенбергского и князя Эйхштадтского. Его младший сын Максимилиан Лейхтенбергский, внук Жозефины Богарне и пасынок Наполеона, и стал в 1839 году мужем Великой княжны Марии Николаевны и членом Российского Императорского Дома.

Однако прошло некоторое время, и Романовы породнились с родственниками Наполеона: в 1839 году дочь Николая I Мария стала женой герцога Максимилиана Лейхтенбергского, приходившегося внуком Жозефине Богарне.

Несостоявшаяся же невеста Наполеона великая княжна Анна Павловна через шесть лет после предложения «великого француза», вышла замуж на наследника Нидерландской короны Вильгельма (Виллема) Оранского (1892–1849). Его, одного из героев битвы при Ватерлоо, с почестями принимали в России, где летом 1816 года и состоялась свадьба. На то событие откликнулся стихами молодой Пушкин, посвятив жениху восторженные строки:

Хвала, о юноша герой!
С героем дивным Альбиона
Он верных вел в последний бой
И мстил за лилии Бурбона...

В 1840 году Вильгельм стал королем Нидерландов под именем Виллема II, а сестра Царей Александра I и Николая I – королевой. Сын Анны Павловны Александр (1817–1890) под именем Виллема III занимал престол Королевства Нидерланды более сорока лет, начиная с 1849 года. Этот представитель Оранско-Нассауской Династии приходился Царю Николаю I племянником, а Александру II – двоюродным братом (кузеном).

Во второй половине XIX века династические связи Романовых продолжали множиться, возникли близкие родственные узы с королевскими домами Дании, Англии, Греции.

К числу важнейших родственно-династических событий той эпохи относилась женитьба в 1866 году наследника Александра Александровича (Александра III) на дочери Датского Короля Христина IX принцессе Марии-Софии-Фредерики-Дагмар (в России – Мария Федоровна). Этот брак не только сблизил Романовых с Датской Королевской Семьей, но и породнил их с Английским и Греческим королевскими домами.

Старшая сестра принцессы Дагмар Александра с 1863 года состояла в браке с наследником Британской Короны Альбертом-Эдуардом (будущим королем Эдуардом VII), а ее брат Вильгельм правил в Греции под именем Георга I. Последний в 1867 году сочетался браком с внучкой Николая I Великой княгиней Ольгой Константиновной (1851–1926), ставшей Королевой Греции.

В 1874 году возникла и прямая династическая уния между Царской и Английской Династиями. Единственная дочь Александра II Мария (1853–1920) вышла замуж за третьего сына Королевы Виктории (1817–1901) Альфреда-Эрнста-Альберта (1844–1900), герцога Эдинбургского, герцога Саксен-Кобург-Готского.

К этому времени Дом Романовых включал 41 лицо, к началу XX века их уже насчитывалось более 50, а перед революцией 1917 года Царская Фамилия составляла уже 65 персон.

Позже возникли и еще две близкие родственные унии между Романовыми и правившей в Англии Ганноверско-Саксен-Кобургской Династией. В 1884 году внучка Королевы Виктории Гессенская принцесса Елизавета (1864–1918) обвенчалась с братом Императора Александра III Великим князем Сергеем Александровичем, а в 1894 году ее младшая сестра принцесса Алиса (1872–1918) вышла замуж за Царя Николая II, став последней Русской Царицей Александрой Федоровной.

Английский Королевский Дом (получивший в 1917 году название Виндзорского) до сих пор имеет сильные генетические связи с Домом Романовых. Отцом супруга Королевы Елизаветы II герцога Эдинбургского принца Филиппа (родился в 1921 году) был сын Греческой Королевы Ольги, кузен Николая II принц Андрей (1882–1944), а матерью – племянница Последней Царицы Александры Федоровны принцесса Алиса Баттенберг-Маунтбеттен (1885–1969).

Ныне именно принц Филипп имеет наиболее близкую генетическую степень родства с коронованными правителями России. Он – четвертое поколение от Царя Николая Павловича (Николай I – Константин – Ольга – Андрей – Филипп).

В отличие от прочих потомков Романовых его родители, дед и бабка состояли в равнородных браках, и формально супруг Английской Королевы имеет наибольшие родственно-генетические права на Русский Престол. И только. Ни с историко-правовой, ни с нравственно-психологической точек зрения никаких «прав» герцог Эдинбургский не имеет и иметь не может. Надо отдать ему должное: сам герцог Эдинбургский и не помышляет ни о чем подобном.

Все вышесказанное должно помочь читателю уяснить вопрос, по сию пору все еще порой вызывающий жгучие споры о «законных» и «незаконных» претендентах на Русский Престол. Никаких действительно «законных» Тронопреемников в настоящее время не существует. Все «законные» были убиты, а те, кто из Царских родственников выжил, настолько деклассировались и морально деградировали, что своими скандальными потугами лишь дискредитируют Царскую титулатуру и образ Последнего Царя-Страстотерпца.

Все, кто прямо или косвенно выставляет «права» на несуществующий «престол», – самозванцы, и побудительные мотивы их претензий никакого значения не имеют. Это – область психиатрии, мелкого человеческого самолюбия, корыстных интересов, а потому и не может быть предметом какого-либо серьезного историко-правового обсуждения. Династия Романовых ныне не существует.

В начале же XX века все выглядело совсем по-иному. В 1901 году на Престоле в России находился Император Николай II, дедушка Которого (Христиан IX) являлся королем Дании, дяди Королями Англии (Эдуард VII) и Греции (Георг I), а Императором Германской Империи был кузен Царицы Александры Федоровны Император Вильгельм II.

Помимо Королевских Домов Англии, Дании, Греции, Германии, родственные узы связывали Царскую Династию с коронованными правителями Норвегии, Болгарии, Швеции, Италии, Румынии, Испании, Нидерландов, Бельгии, Черногории.

Практически все сколько-нибудь значительные монархические дома Европы (кроме правившего в Австро-Венгрии Дома Габсбургов) состояли в родстве с Романовыми.

Глава 3. Начало династии

В январе-феврале 1613 году Собор Земли Русской единомысленно призвал на Царство юного Михаила Фёдоровича Романова. Соборы происходили в Успенском соборе; в Москве в тот период не существовало иного помещения, способного вместить столь многочисленное общество.

По заключению историка С.Ф. Платонова, в Соборе приняло участие не менее 700 человек (при избрании царя Бориса Годунова их насчитывалось 476). Это было действительно «Русское национальное собрание», представители которого особо были озабочены тем, чтобы их решение выразило волю «всей земли». Выборные хотя и имели широкие полномочия, но свои решения все-таки рассылали на опрос городов.

Собравшись после многолетних жестоких событий, люди были разделены недавним прошлым. Пережитое на первых порах давало о себе знать взаимными упреками и обвинениями, тем более что среди претендентов на русский престол фигурировали лица и роды, напрямую втянутые в политические коллизии Смуты: князь Д.Т. Трубецкой, князь В.В. Голицын, князь Ф.И. Мстиславский, князь Д.М. Пожарский и некоторые другие. Все они отличались древностями рода, но ни у одного из них не было явных преимуществ.

Дебатировалось и имя шестнадцатилетнего племянника Царя Федора Ивановича, боярина Михаила Романова (1596–1645). Очевидец и участник событий, знаменитый описатель истории той поры Авраамий Палицын (ок. 1550–1627) вспоминал: «И многие дни о том говорили всякие люди всего Российского Царствия с великим шумом и плачем».

Впервые имя боярского отрока Михаила как единственного лица, достойного Царского сана, после падения Шуйского летом 1610 года назвал Патриарх Ермоген (Гермоген). Тогда слова Святого Пастыря не были услышаны. Теперь же они приобрели характер великой исторической политической акции. Решение в пользу Михаила Романова оказалось всеобщим. Как справедливо заключил один из авторов, «только внушением Святого Духа можно объяснить столь единодушное решение собрания людей, которые еще год назад смотрели один на другого как на злейших врагов».

О Соборе 1613 года, ставшего судьбоносным в истории России, много написано и сказано. Между тем, как констатировал С.Ф. Платонов, о ходе самого Собора «мы ничего точного не знаем, потому что в актах и литературных трудах того времени остались только отрывки преданий, намеки и легенды, так что историк здесь находится как бы среди бессвязных обломков древнего здания, восстановить облик которого он не имеет сил».

В подавляющем большинстве случаев имеющиеся в историографии умозаключения и выводы касаются исключительно фактической стороны этого события, которое произвольно вырывается из общеисторического духовного контекста.

В качестве характерного примера подобного подхода можно привести следующее заключение. «Различные группировки, – пишет современный исследователь, – продвигали своих кандидатов, блокировали других. Дело грозило затянуться. И тут был найден компромисс. Казаки назвали имя 16-летнего Михаила Романова, который после освобождения Кремля находился в своей вотчине в Костромском уезде... Боярство также поддержало его, так как Романовы входили в элиту русской аристократии, а Михаил приходился внучатым племянником Анастасии Романовой, первой жены Ивана Грозного. Кроме того, боярская группировка не отказалась от старой идеи – поставить на русский трон зависимого от нее монарха и тем самым ограничить самодержавный деспотизм. Один из влиятельных бояр-выборщиков утверждал: «Миша Романов молод, разумом еще не дошел, и нам будет поваден».

Наверное, на Соборе проявлялись и корыстные интересы, велись и какие-то тайные переговоры, возможно даже, и заключались некие политические «сделки». Обо всем историки

строят догадки уже давно, но именно догадки. Можно, конечно, допустить, что имели место распространенные при избирательной кампании различные махинации, в том числе и коррупционные. Но это всё из области предположений и поздних «логических» измышлений.

Ясно одно: каких-либо надежных документальных свидетельств ни о явной, ни уж тем более о закулисной стороне Собора практически не сохранилось.

Однако это – не самое важное. Абсолютизация любого из субъективных элементов, или даже их совокупности, ведет к игнорированию духовно-исторического содержания Русской истории. Думается, что только через православную оптику можно действительно полномерно узреть, воспринять и оценить то великое историческое событие.

Никогда не удастся выяснить, каким образом праведному Патриарху Ермогену открылась благодатность для Руси нового Царя в образе непорочного и не замешанного ни в каких боярских интригах отрока Михаила Романова. Но и сам этот факт, как и то, что 21 февраля 1613 года в Успенском соборе – перед главным алтарем Руси – имя Михаила Федоровича Романова было единогласно утверждено, – в том явлен был знак особой Божией благодати Руси.

Дважды до того: и в 1598, и в 1606 годах – Соборами Земли Русской провозглашался Царь, и дважды этот выбор оказывался неудачным. Подобные ошибки слишком дорого стоили, и об этом все знали. В 1613 году априори никакого бесспорного фаворита не существовало.

Стоит особо подчеркнуть, что речь шла не о «выборе» как некоей механической процедуре получения максимального числа голосов тем или иным претендентом, а об установлении «достоинства».

О православном восприятии процедуры цареизбрания очень точно написал генерал М.К. Дитерихс (1874–1937), занимавшийся расследованием обстоятельств убийства Царской Семьи в Екатеринбурге в июле 1918 года. Он составил об обстоятельствах того злодеяния подробный отчет. Одновременно генерал провел историческую реконструкцию народных представлений о Царской власти, в системе понимания которых события 1613 года имели сакраментальное значение.

«К Михаилу Федоровичу Романову, – писал М.К. Дитерихс, – нельзя применить определения, что он был «выборный царь», так как те действия, которые имели на Земском Соборе 1613 года, совершенно не подходят к понятиям о «выборах», установленных правилами и тенденциями современных «гражданских идей»... Дебаты на Земском Соборе сосредотачивались не на вопросе «кого избрать», а на вопросе «кто может быть царем на Руси» соответственно тем идеологическим понятиям о власти, которые существовали в то время в русском народе «всей земли»... Земские люди 1613 года, собравшись на «обирание» Государя, предоставляли «избрать» Царя Господу Богу, ожидая проявления этого избрания в том, что о Своем Помазаннике Он вложит в сердце «всех человецех единую мысль и утверждение».

Келарь Троице-Сергиева монастыря Авраамий Палицын пишет в своем «Сказании об избрании Царя»: «Возведен же бысть благородный и благоверный от Бога избранный и Богом дарованный великий Государь Царь и Великий князь Михаил Феодорович всея Руси Самодержец на великий и превысочайший царский престол... И седе Богом дарованный благоверный и благородный, прежде рождения его от Бога избранный и из чрева матери помазанный Великий Государь Царь и Великий князь Михаил Феодорович всея великия Росии Самодержец на своем на царском столе Московского государства, восприим скипетр Росийския державы многих государств».

Ни о каком «избрании» тут и речи нет.

Царя посылает людям Господь, и посылает тогда, когда они сподобятся заслужить Его милость. И удел земных – разглядеть этот промыслительный дар и принять с благодарственной молитвой. Таков высший духовный смысл события, происшедшего 21 февраля 1613 года в Успенском соборе Московского Кремля.

В истории никогда не бывает прямых событийных совпадений, но на уровне духовно-семиотическом диспозиционная сопоставимость исторических явлений существует. В случае со вторым явлением царства на Руси знаковую переключку можно найти не в анналах отечественной истории, а в событии, произошедшем за две с половиной тысячи лет до того. Речь идет об ниспослании Царя израильскому племени, как это изложено в ветхозаветной 1-й Книге Царств.

Как явствует из библейского повествования, у израильтян тоже было «нестроение», разрушительное общественное безначалие, вызванное несправедностью властителей-судей. Народ захотел иметь во главе себя царя, «чтобы он судил нас, как у прочих народов» (1 Цар. 8:5). С этим ходатайством старейшины обратились к Самуилу – последнему великому судье Израиля. Самуил же молитвенно обратился к Господу. И Он, услышав зов народа и молитву верного Себе, открыл имя будущего Царя. Это был отрок ничем не примечательный. Принадлежал он к одному «из меньших колен Израилевых». Но, по неизъяснимому Промыслу Всевышнего, именно он удостоился Царского служения.

Самуил, передавая Волю Всевышнего народу, предупреждал соплеменников об угрозе произвола правителя, получившего неограниченную властную прерогативу. Но народ был непреклонен: «Пусть царь будет над нами» и «судить будет царь наш, и ходить пред нами, и вести войны наши» (8:19–20).

Сам Саул, имя которого в буквальном переводе значит «испрошенный», и не подозревал о грядущем царском предназначении. Библия не сохранила свидетельств того, как Саул реагировал, узнав про свою царскую участь. Библейский рассказ позволяет заключить, что молодой человек, очевидно, был глубоко потрясен. Он полностью и безропотно подчинился всем распоряжениям Самуила, который и помазал Саула на Царство.

Бог же наделил Своего избранника даром пророчества и «дал ему иное сердце» (10:9). Когда же надо было явиться народу, Саул настолько перепугался, что скрылся от глаз людских. С помощью Божией его отыскивали в «обозе» и явили всем коленам Израиля. И тогда Самуил обратился к народу и сказал: «Видите ли, кого избрал Господь? Подобного ему нет во всем народе. Тогда весь народ воскликнул и сказал: да живет царь!» (10:20–24).

Даже при самой тщательной документальной реконструкции ситуации 1613 года значение события, его внутренний смысл невозможно постичь без учета промыслительного предопределения. Все фактурные доказательства и логические аргументы всё-таки не проясняют главного: почему же именно Михаил Романов стал Царем на Руси?

Михаил Романов мало кому был известен, родители своего отпрыска на престол, как бы теперь сказали, не «лоббировали». Отец Фёдор Никитич (ок. 1564–1633), принявший монашество в 1601 году под именем Филарет, томился в польском плену; мать, принявшая по принуждению Годунова постриг под именем Марфа (урождённая Ксения Ивановна Шестова, умерла в январе 1631 года), находилась в монастыре.

Все главные боярские роды, передравшиеся за свои преимущества, фактически склонялись в пользу царя-иностранца. И только праведный Патриарх Ермоген (Гермоген) в своем молитвенном усердии распознал имя будущего Царя. И народ, и все делегаты Собора, просвещенные Святым Духом, склонились безропотно в пользу единого решения. Как заметил С.Ф. Платонов, «по общему представлению, Государя сам Бог избрал, и вся земля Русская радовалась и ликовала».

Участник тех событий келарь Троице-Сергиева монастыря (лавры) Авраамий Палицын заключал, что Михаил Фёдорович «не от человека, но воистину от Бога избран». Он видел доказательство этой исключительности в том, что при «собирании голосов» на Соборе не случилось никакого разногласия. Сие же могло случиться, как заключал Палицын, только «по смотрению Единого Всесильного Бога».

Все участники Собора принесли крестоцеловальную присягу на верность Царю Михаилу и его потомству «до скончания веков». Это была клятва на все времена от имени Земли Русской. Она гласила, что ежели кто «не захочет слушаться сего соборного уложения, которое Бог благословил», не важно, от какого чина и звания, то, согласно правилам святых Апостолов и Семи Вселенских соборов, «да будет извержен из чину своего и от Церкви Божией отлучён, и лишён приобщения Святых Христовых Тайн, как раскольник Церкви Божией и всего православного христианства мятежник».

Уместно заметить, что от этой клятвы перед Лицом Божиим «Землю Русскую» никто соборно не освобождал, а потому в духовно-историческом смысле Россия остаётся Монархией, независимо от всех политических пертурбаций, последовавших за 1917 годом...

Уже после избрания Михаила, после рассылки грамот о том «во все концы Русской земли» и после присяги и крестоцелования в Москве не знали, где находится новый Царь. Направленное к нему в начале марта 1613 года посольство отбыло в Ярославль или «где он, Государь, будет». Избранник же скрывался в костромской родовой вотчине Домнино, а позже вместе с матерью переехал в костромской Ипатьевский монастырь, где его и отыскала делегация Земского Собора.

Первоначально и сама инокиня Марфа, и ее сын наотрез отказались от царской участи. Еще были памятливы все измены и предательства, совершенные после клятв верности и по отношению к Борису Годунову, и по отношению к Лжедмитрию и Василию Шуйскому.

После многочасовых молитв, увещаний, просьб и слез согласие было получено.

Удивительный исторический акт национального единения, который в современных выражениях, можно назвать и «пафосной ораторией», и «патетической симфонией», происходил в центре Ипатьевского монастыря – Троицком соборе. Храм этот был воздвигнут при Царе Фёдоре Иоанновиче, заботами Царицы Ирины Фёдоровны, умершей монахиней в 1603 году, и её брата Бориса Фёдоровича Годунова, ставшего в 1598 году Царём.

Годуновы чтили Ипатьевский монастырь под Костромой, так как, согласно преданию, относящему к XIV веку, родоначальником рода Годуновых являлся татарский мурза Чет (или Чета), принявший Православие под именем Захарий, перешедший на службу к московским князьям и основавший эту обитель. На этом месте ему было видение Божьей Матери с предстоящими апостолом Филиппом и священномучеником Ипатием Гангрским, результатом которого стало исцеление Чета-Захарии от болезни. В благодарность за это на этом месте и был основан монастырь.

При Годуновых монастырь украсился и архитектурными строениями, и произведениями церковного искусства. В подклети Троицкого собора были погребены родители Царя Бориса – боярин Фёдор Иванович и Степанида Ивановна, тесть и тёща Царя Федора Иоанновича.

Торжество новой Династии у алтаря храма стало своеобразным символом исторической преемственности.

Конечно, никто подобную событийную композицию специально не создавал и не режиссировал, да никто её тогда и не осознавал. Однако трудно удержаться от предположения, что и в этом необычном стечении обстоятельств проявился некий промыслительный знак.

Михаил Романов был благословлён на Царство чудотворной Иконой Божией Матери, получившей название Фёдоровской. Она явилась на Руси ещё в XII веке, именовалась Городецкой по месту своего нахождения – в городе Городце, одном из древнейших русских городов на Средней Волге.

В 1239 году, в эпоху Батыева разорения, Икона явила своё чудодейство и стала называться Фёдоровской, так как заняла свое место в церкви Святого великомученика Фёдора (Феодора) Стратилата, погибшего в начале IV века от рук римских язычников.

С этой Иконой впереди и шествовала процессия из Костромы в Ипатьевский монастырь, и именно с этим образом Богоматери связывала свои упования инокиня Марфа: «Тебе, Владычице, поручаю сына моего! Да будет Твоя святая воля над нами».

2 мая 1613 года Царь Михаил Фёдорович торжественно въехал в Москву, а 11 июля 1613 года в Успенском соборе Московского Кремля состоялось венчание его на Царство.

В событиях 1613 года победили не мирские страсти, не «политические технологии», не групповые интересы, а религиозная Идея. Михаил стал Царем не по воле родовитых и именитых, не в силу прагматических или корыстных расчетов тех или иных сил и групп, а, как заключил исследователь, «давлением народной массы». Потому Династия так прочно и утвердилась.

Михаил Романов занимал Царский Престол с 1613 по 1645 год. При нём сложился удивительный союз между Священством и Царством, не имевший аналогов ни до, ни после. Такое установление фокусировало в себе два начала – духовное и светское, однако неизбежно породило и противоречие при определении первенствующего начала в делах государственного управления.

При Михаиле Фёдоровиче функции «Царства» и «Священства» были как бы гармонизированы в пользу Церкви, когда духовному пастырю принадлежала решающая роль и в мирских делах. При этом «симфония» зиждилась не на институциональном торжестве, а на тесной родственной близости: Патриарх Филарет (1619–1634) – отец Царя Михаила Фёдоровича. Первосвященник официально носил титул Великого Государя вместо традиционно принятого патриаршего титулования «Великий Господин»; занимал в государстве место, по значению не уступавшее царскому.

Как написал знаток канонической традиции протоиерей Лев Лебедев: «В России сложилась ситуациям уникальная, пожалуй, не только для Русской истории, но и для всемирной истории Церкви, когда родные отец и сын становились двумя главами единой православной державы!..Между Церковью и Государством устанавливаются подлинно родственные (в прямом и переносном смысле) отношения, обеспечивающие особую внутреннюю крепость всей русской жизни. Этот промыслительный урок как определенное Божье указание был хорошо понят в России».

Очень важной исторической заслугой, в которой можно разглядеть и промыслительный знак, было то, что Патриарх Филарет возвратил сакральный ореол верховной власти, чрезвычайно подорванный политическими пертурбациями Смуты, слишком частыми сменами правителей в Москве, как и претензиями различных самозванцев на царское звание.

Все решения верховной власти, указы и грамоты непременно транслировались в мир не только как воля Царя, но и как воля Церкви, то есть исходили от лица двух суверенов.

Доклады о государственных делах выслушивались Царём совместно с Патриархом, а иностранные послы представлялись обоим носителям неслиянной, а теперь и нераздельной высшей властной прерогативы.

В некоторых случаях государственные вопросы вообще решались одним Патриархом. По словам историка Церкви Карташева А.В., «Филарет своим высшим иерархическим авторитетом реализовывал номинальное самодержавие Михаила, облакая его в сакральные одежды. После Смуты, разлагающей и профанирующей мистику всякой власти, это невесомое Филаретово воздействие на укрепление верховной власти было бесспорно его исторической заслугой».

После смерти Филарета положение начало меняться. Попытка возродить политическое значение Священства и придать ему статус некоей независимой корпорации в Государстве, а Церковь вообще фактически вывести из-под государственного контроля связана с именем Шестого Патриарха – Никона...

После периода разложения всего миропорядка и фактического крушения государственных институтов периода Смуты начала XVII века Русь возродилась с невероятной быстротой, приобретая и по чаянию, и по факту образ мировой православной державы – «Благословенного

Царства». Поражает тут не только то, что опять, как и в эпоху становления Древнерусского государства, из «ничего появилось всё», но что это «всё» стало ещё крепче и выразительнее.

Быстрое экономическое, политическое, но главное – духовное возрождение Царства иначе, как чудесным, и назвать невозможно. Потому данный феномен и не имеет сколько-нибудь внятного объяснения в секулярной историографии. Без православной оптики понять и осмыслить второе рождение Царства в России невозможно.

При Царе Михаиле Фёдоровиче Москва становилась вселенским духовным центром не только потому, что в ней пребывал Православный Царь, но и потому, что имела бесценную сокровищницу духовных реликвий, которая постоянно пополнялась.

В 1624 году Митрополит Ираклийский Дионисий доставил в Россию Царю Михаилу Фёдоровичу Крест Императора Юстиниана, который позже находился в Троице-Сергиевой лавре.

В 1636 году Архиепископ Синайский Иеремия прислал в Москву три посоха того куста, от которого Моисей взял жезл, а также была прислана хоть и не духовная, но великая историческая реликвия – печать Александра Македонского.

В 1644 году в Москву была перенесена с Афона «десница» Апостола Андрея Первозванного.

Невозможно не сказать и ещё об одной бесценной святыне, которая оказалась в Москве при Царе Михаиле Фёдоровиче, хранившейся в золочёном ковчеге в главном храме России – храме Успения Пресвятой Богородицы (Успенском соборе) в Кремле. Это – хитон Иисуса Христа. Его прислали на Русь не благочестивые пастыри Востока, а могучий повелитель персидской державы Шах Аббас I (Великий, 1571–1629, правитель с 1587 года).

Во время покорения и разграбления Грузии в 1614 и 1616 годах персами в одной из старых грузинских церквей ими был обнаружен хитон Господень. Согласно преданию, раньше он пребывал в одной из церквей Царьграда, а затем, во время падения его, тайно был вывезен и более полутора сот лет хранился в Грузии «прикровенно».

У Шаха Аббаса, сумевшего несколько раз нанести серьезные поражения туркам, установились дружеские отношения с Царем Михаилом Фёдоровичем. Турецкая Империя являлась смертельным врагом как для Руси, так и для Персии, и перед лицом общего врага два столь разных государства оказались в дружеском общении. Для подтверждения своих чувств правитель Персии (Ирана) и прислал Царю, которого называл в посланиях «братом», бесценную христианскую реликвию. В прилагавшемся письме Шах извещал, что он, покорив Грузию, обрёл реликвию в ризнице митрополита, сокрытую в кресте.

Ходили слухи, что французский Король Людовик XIII (1610–1643) обращался к Аббасу с просьбой продать хитон, обещая огромные деньги. Но тот отказал. По словам Павла Алеппского, описавшего путешествие Антиохийского Патриарха Макария в Россию в середине XVII века, он сам воочию лицезрел реликвию в 1655 году. Это – «хитон из тонкого полотна, тёмного цвета, наполняет ковчег доверху, так что крышка с трудом закрывается. Вот какое бесценное сокровище, о коем вздыхают все цари христианские, приобрёл Московский Царь!»...

Царь Михаил по своему малолетству вступил на Престол неженатым. Вопрос же о его браке живо интересовал не только родственников: Романовых (по линии отца) и Шестовых (по линии матери). Он занимал всю боярскую верхушку тогдашней Руси. Породниться с Царём – о том мечтали все родовитые боярские фамилии, впрочем, как и не очень родовитые. Таковая брачная партия неизбежно открывала дорогу к общественному и материальному возвышению всего рода.

Родители Михаила, прекрасно понимая, что подобная перспектива неминуемо вела к нарушению равновесия в высших слоях общества, пытались решить брачную задачу так, как на Руси её раньше не решали: подыскать невесту в закордонной стране. В поисках претендентки российские послы отправились в Данию к «Королю Дании и Норвегии» Христиану IV (1577–

1648), у которого было две племянницы. Однако Король, сославшись на «болезнь», отказался принимать русских послов, что было справедливо истолковано как отказ.

В 1623 году послов с богатыми подарками отправили к Шведскому Королю Густаву II Адольфу (1594–1632, Король с 1611 года), чтобы подыскать невесту среди правившей в Швеции Династии Ваза. Переговоры завершились на самой ранней стадии, так как Король даже и обсуждать не захотел возможный переход шведской невесты в Православие. После провала этих робких попыток отыскать будущую Царицу на стороне пришлось обратиться к русской матримониальной традиции.

Царь Михаил Фёдорович был женат дважды. Первый раз – в сентябре 1624 года на родовой княжне Марии Владимировне Долгоруковой. По поводу бракосочетания близкий к Царскому двору «Новый летописец» сообщал:

«В лето 7133 (1624) году Государь Царь и Великий князь Михаил Федорович всея Руси, поговорив с отцом своим, с Великим Государем Святейшим Патриархом Филаретом Никитичем московским и всея Руси и со своей матерью, с Великой Государыней старицей инокой Марфой Ивановной, захотел сочетаться законным браком, и взял за себя Государь [дочь] боярина князя Владимира Тимофеевича Долгорукого, Царицу Марию Владимировну. А радость его Государева была сентября в 18-й день, а тысяцкий был у Государя боярин князь Иван Борисович Черкасский; а дружки с государевой стороны были бояре: князь Дмитрий Мамстрюкович Черкасский да князь Дмитрий Михайлович Пожарский с княгинями, а с Царицыной стороны были дружки боярин Михаил Борисович Шеин да князь Роман Петрович Пожарский с женами. В первый же день была радость великая».

Брак был по любви, но счастья не принёс; наоборот, пришлось Царю плакать неутешно, так как молодая Царица через пять месяцев умерла, страдая весь срок супружества от тяжёлого и непонятного недуга.

«Новый летописец» сообщал: «Грехов же ради наших, от начала враг наш дьявол не хочет добра роду человеческому, научил враг человека своим дьявольским ухищрением, и испортили Царицу Марию Владимировну. И была Государыня больна от свадьбы и до Крещения Господня. В том же году, в самое Крещение, предала свою праведную душу Богу, и погребена была в Вознесенском монастыре (в Кремле. – А.Б.) с благочестивыми царицами».

Второй раз, в феврале 1626 года, двадцатидевятилетний Царь женился на юной девице Евдокии Лукьяновне Стрешневой (1608–1645), бедной сироте, дочери мелкопоместного калужского дворянина Лукьяна Степановича Стрешнева и княжны Анны Волконской.

Будущая Царица Евдокия рано потеряла мать, а отец ушёл на несколько лет в ополчение, так что фактически она «осиротела ещё в пелёнках» и воспитывалась у родственников по материнской линии, где её никто не любил. С дочерью дальней родственницы Евдокия и приезжала в Москву в качестве её «подружки».

Евдокия Лукьяновна была выбрана овдовевшим Царём Михаилом Фёдоровичем на смотре невест, устроенном в январе 1626 года. Она не входила в число отобранных красавиц, а прибыла с одной из них, дочерью окольного Григория Волконского, в качестве наперсницы.

Михаилу не приглянулась ни одна из двухсот девиц, прибывших на смотрины, но по просьбе родителей он осмотрел всех ещё раз, и именно Евдокия тронула его душу «красотой, обходительностью и кротким нравом». Родители Царя были разочарованы этим выбором; род Стрешневых ведь был «неказистым». Однако Михаил остался непреклонен. Государь сослался не только на возникшее у него чувство, но и на свой христианский долг помочь благородной не по крови, а по существу девице покинуть дом притеснявших её родственников.

В браке Михаила Фёдоровича и Евдокии Лукьяновны родились 10 детей, семь дочерей и три сына. Ирина (1627–1679), Пелагея (1628–1629), Алексей (1629–1676), Анна (1630–1692), Марфа (1631–1632), Иоанн (1633–1639), Софья (1634–1636), Татьяна (1636–1706), Евдокия (1637–1637), Василий (1639, умер вскоре после рождения).

Только один из сыновей – Алексей – дожил до зрелых лет, и именно ему пришлось воспринять Корону Русского Царства.

Глава 4. Время Царя Тишайшего

Волей всей Русской земли – Земским Собором – была призвана на Царство новая Династия – Романовы.

За всю многовековую историю на Руси правили три династии: Рюриковичи (862-1598), Годуновы (1598–1605) и Романовы (1613–1917). Правда, в 1605–1606 годах на престоле Государства Российского пребывал самозванец под именем Царя Дмитрия Ивановича, прозванный Лжедмитрием, а в 1606–1610 года престол занимал В.И. Шуйский. Однако оба этих правителя назывались «Рюриковичами», а потому и не могут представлять отдельные династии.

В 1613 году начался долгий и трудный процесс национально-государственного возрождения и нового русского исторического самоявления. Закончился тот век утверждением у кормилы единоличного правления в 1696 году Царя Петра Алексеевича (1672–1725), получившего в истории прозвание Петра Великого.

В центре же того судьбоносного века находится фигура Царя Алексея Михайловича – отца Петра Первого; родился он 9 марта 1629 года, а вступил на Престол Государства Российского в июле 1645 года. Он получил ещё при жизни в народе прозвание Тишайшего, что очень точно отражало нравственно-психологический портрет второго Царя из Династии Романовых.

Алексей был порфиророждённым, то есть происходившим от отца, носившего Царский венец. О рождении престолонаследника как о важнейшем государственном событии летописец сообщал: «В лето 7137 (1629) году, марта в 17-й день, родился у Государя Царя и Великого князя Михаила Федоровича всея Руси благочестивый Царевич князь Алексей Михайлович всея Руси, и крещен был в Чудовом монастыре, а крестил его, Государя, сам святейший Патриарх Филарет Никитич Московский и всея Руси, а отец крестный [был] Троицкий келарь Александр».

О детских и отроческих годах Царя Алексея Михайловича известно чрезвычайно мало. Семейный уклад Царской Семьи был делом заповедным; в этот мир мало кто был допущен, а кто и имел доступ хранил всегда молчание. Никаких личных «дневников» на Руси тогда никто не вел; не существовало традиции, да и «мемуаров» никто писал. Их эпоха наступит только в следующем, XVIII веке. Потому и свидетельств о воспитании, образовании, времяпрепровождении юного Алексея Михайловича, да и вообще о внутреннем укладе жизни Царского Дома сохранилось чрезвычайно мало.

Известно только, что Алексея Михайловича, еще не достигнувшего пятилетнего возраста, начали учить грамоте. С малолетства, кроме разных игрушек и музыкальных инструментов, дедушка его, Патриарх Филарет, начал дарить ему книги. В десять лет у Царевича уже была своя «библиотека», состоявшая главным образом из книг Священного Писания и богослужбников.

В учителя к нему определили дьяка Василия Прокофьева, считавшегося «великим грамотеем». В свои зрелые лета Алексей Михайлович приятно удивлял «гостей из Европы» своей образованностью и кругозором. Один из иностранцев, имевших возможность общаться с Царём, потом написал, что «посвящая немало времени на чтение книг, он приобрел основательные познания в науках естественных и политических».

Исключительное место в жизни молодого Алексея Михайловича принадлежало боярину Борису Ивановичу Морозову (1590–1661), которого Царь Алексей глубоко чтит до самой кончины последнего и даже счёл необходимым присутствовать на погребении боярина, что являлось случаем из ряда вон выходящим.

Борис Морозов оставил заметный след на страницах истории в первую очередь потому, что Царь Михаил Фёдорович в 1634 году назначил его «дядькой» к своему сыну Алексею, одновременно присвоив воспитателю боярское звание.

В компетенцию боярина Морозова входила вся система жизнеобеспечения и обучения будущего наследника Престола. Он, ставший позже одним из крупнейших земельных магнатов на Руси, был «своим» в Царском дворце, куда он был взят «на жительство» еще в 1615 году. Прослыл умным и чрезвычайно образованным человеком, за что его ценили и Царь Михаил, и, что особенно показательно, Патриарх Филарет, мало к кому имевший личное расположение.

Под попечительством боярина Морозова Алексей Михайлович рос тихим, образованным юношей; владел в совершенстве чтением и письмом (самостоятельно читал Псалтырь уже в семилетнем возрасте), знал назубок множество молитв и весь церковный богослужебный чинопорядок. Он всегда неукоснительно соблюдал посты, к чему его по требованию деда – Патриарха Филарета – начали приучать с двухлетнего возраста.

С ранних пор мальчик был необычайно строг к себе, не делая себе никаких послаблений. В Великий пост обедал только три раза в неделю, а в остальные дни кушал в день только по куску чёрного хлеба, по солёному грибу и огурцу и даже почти не пил воду. В церкви он стоял по пять-шесть часов кряду, клал по тысяче земных поклонов, а то и больше, и никогда потом не испытывал никакого «изнеможения». По точной характеристике известного историка В.О. Ключевского (1841–1911), это был «истовый древнерусский богомолец».

Один из современников-католиков с некоторым даже удивлением констатировал: «Большую часть дня он употребляет на дела государственные, немало также занимается благочестивыми размышлениями, и даже ночью встаёт славословить Господа песнопениями Венценосного Пророка (Царя Давида)... Посты, установленные Церковью, соблюдает так строго, что в продолжение сорока дней перед Пасхой не пьет вина и не ест рыбы. В напитках очень воздержан и имеет такое острое обоняние, что даже не может подойти к тому, кто пил водку». Это написано об Алексее Михайловиче последних лет его жизни, но указанные качества и привычки ему были присущи с ранних лет.

Алексея Михайловича отличали с молодости великодушие, незлобивость и сострадательность к чужому горю. Он сам говорил, что «нас Бог установил, чтобы беспомощным помогать». Он всегда проявлял сочувствие к чужому горю и никогда не стеснялся выражать его особенно тем, кто ему был хорошо знаком. Потому этого Царя чтили, почитали, уважали, но перед ним никогда не трепетали; леденящий душу смертный страх никогда не овладевал теми, кто общался с Самодержцем.

В качестве показательного примера царского великодушия и сострадательности можно сослаться на случай с «ближним боярином» Н.И. Одоевским (†1689), который был «дружкой» на свадьбе Алексея Михайловича с М.И. Милославской в январе 1648 года. Сам Одоевский был значительно старше Царя; известно, что службу он начал ещё в 1618 году, а боярство получил в 1640 году. Он был женат на Евдокии Фёдоровне Шереметевой (†1671), от которой имел пятерых детей.

Страшное горе в доме Одоевских случилось в ноябре 1653 года, когда первенец, радость отца и матери, молодой Михаил Никитич Одоевский скончался. В этот момент Никита Одоевский исполнял «царскую службу» – находился в качестве первого воеводы в Казани. И повелитель Руси-Московии, имевший двадцать четыре года от роду, сочувствуя всем сердцем верному сподвижнику, пишет пространное письмо в Казань, утешая убитого горем отца.

Послание – поразительный по яркости слова и силе искренности документ, раскрывающий во всей красе душевные качества Самодержца всея Руси. Естественно, что Царь по своему статусу никому писать был не обязан, тем более касательно чьих-то семейных дел. Все подданные считались «холопами», «рабами», а Хозяин Земли Русской не имел никаких перед ними официальных обязательств, но имел, как христиан, неофициальные – морального свойства. И Царь их проявил, совершенно не думая о том, что этим может якобы «уронить достоинство сана».

Послание Алексея Михайловича от 21 ноября 1653 года совершенно не напоминает обращение хозяина к своему слуге; это – слово доброго пастыря, утешающего раненную горем душу своего чада. Царь рассказывает воеводе историю «огненной болезни»² Михаила, очевидцем которой он был, продолжавшуюся «три недели без двух дней». Самодержец посещал поместье Одоевских в подмосковном селе Вешняки и передавал отцу в послании, как он с его сыном проводил время, что тот говорил до болезни и вовремя неё. Он рассказывал и о симптомах болезни Михаила; как она начиналась, как протекала, а затем как Михаила Одоевского причащали и как он преставился. Смерть его оказалась «тихой», юноша «как уснул»; не было «ни рыданий, ни терзаний».

Далее Царь увещевает своего верного слугу, чтобы тот «не горился через меру», чтобы «Бога не прогневать». И напоминает, что сына Одоевского «Бог взял» в «небесные обители», а Вседержитель «всё на лучшее нам строит». Затем следует фрагмент, демонстрирующий православное мировосприятие земной жизни, которая есть всего лишь приуготовление к жизни вечной: «И если бы твой сын без покаяния умер или с лошади убится и без покаяния отошёл, тебе как бы им владеть; а теперь радуйся и веселись, что Бог совершил, изволил взять с милостью Своей, и ты принимай в радость сию печаль, а не в кручину себе и не в оскорбление». Завершалось послание припиской: «Князь Никита Иванович! Не оскорбляйся, только уповай на Бога и на нас будь надёжен»...

Одно неперемное качество христианской природы Царя – почитание старших. Он не только благоговел перед родителями и безропотно слушал их наставления и принимал к исполнению, но и почитал тех, кто по должностному праву находился рядом. В их числе на первом месте пребывал боярин Борис Морозов, которого Цесаревич видел куда чаще, чем родного отца.

После восшествия на Престол в июле 1645 года Алексей Михайлович имел от роду всего полных шестнадцать лет. Мать его скончалась всего через несколько недель после смерти отца (Царица Евдокия преставилась 18 августа 1645 года), и юный Царь оказался один на один с огромным и мало знакомым миром – Московским Царством, которым ему теперь надлежало самодержавно управлять. Самой близкой, «родной душой» стала для него старшая сестра Ирина Михайловна (1627–1679), которую он и после воцарения называл «матерью».

В делах государственных юный Царь доверился своему наставнику, которому были фактически переданы главные рычаги управления государством. Но умный, образованный, чрезвычайно хваткий Борис Иванович страдал существенными нравственными изъянами – самомнением и корыстолюбием.

Морозов фактически возглавил правительство Руси. Три года, с 1645 по 1648 год, можно назвать временем полного торжества этого боярского временщика, ставшего в этот период самым богатым человеком на Руси, сумевшим даже породниться с Царём. Взятничество и казнокрадство приобрели невиданные до того размеры. Как писал известный немецкий путешественник и учёный Адам Олеарий (в 1643 году ездил в Москву и описал свои путешествия), «кто больше всего приносил подарков Борису Ивановичу Морозову, тот с милостивой грамотой, весёлый возвращался домой».

Описывая тридцатилетнего Царя Алексея, англичанин Самуэль Коллинс, служивший в 1659–1667 годах лекарем при Царском дворе, написал: «Наружность Императора красива; он двумя месяцами старше Короля Карла II и здоров сложением; волосы его светло-русые, он не бреет бороды, высок ростом и толст; его осанка величественна; он жесток во гневе, но обыкновенно добр, благодетелен, целомудрен, очень привязан к сестрам и детям, одарен обширной памятью, точен в исполнении церковных обрядов, большой покровитель веры; и если бы не окружало его густое облако доносчиков и бояр, которые направляют ко злу его добрые наме-

² Горячка, лихорадка.

рения, то его, без сомнения, можно бы было поставить наряду с добрейшими и мудрейшими государями».

Англичанин был прав в том отношении, что «ближние бояре», особенно первой поры царствования, творили немало недобрых дел, тень от которых неизбежно падала и на Самодержца. И здесь особо неприглядное место принадлежало боярину Борису Морозову.

Морозов играл важную роль и при выборе невесты для Царя Алексея Михайловича. В начале 1647 года Государь задумал жениться. Собрали до двухсот девиц; из них отобрали шесть и представили Царю. Алексей Михайлович остановил свой выбор на красавице Евфимии Фёдоровне Всеволожской (1630–1657), дочери касимовского помещика; она перед свадьбой была помещена в кремлёвском царском тереме «наверх» (дворцовая половина Царицы).

При одевании в первый раз в царскую одежду сенные девушки так затянули волосы на голове Всеволожской, что, взволнованная и без того, красавица упала в обморок при женихе. Естественно, поползли слухи, что молодую, недавно цветущую здоровьем девицу извели злые люди по дьявольскому наущению. Современник событий Григорий Котошихин, будущий известный русский эмигрант (†1667), написал, что царскую невесту завистники из других знатных боярских родов «опоили отравками».

Царь был потрясён, а всесильный боярин Морозов приписал обморок «падучей болезни», обвинив отца невесты в умолчании о «порченной» дочери и сослал его со всей семьёй в Тюмень. После женитьбы Царя на Милославской всем Всеволожским было объявлено прощение...

Происшествие с невестой так подействовало на Царя, что он несколько дней не ел ничего и тосковал, а боярин Морозов стал развлекать его охотами. Молва, однако, приписывала несчастью Всеволожской козням этого боярина, который боялся, чтобы родня будущей Царицы не отодвинула его от рычагов управления страной, а следовательно, и от источника имущественного благополучия.

Морозов всеми силами старался остаться навсегда у Алексея Михайловича первым и главным советником, удаляя от двора всякого, кто не был ему покорен. Одних посылали подальше на воеводства, а других – в ссылку. Последнего рода участь постигла тогда одного из самых близких людей к Царю, его родного дядю по матери С.Л. Стрешнева (1616–1666). Царского дядю обвинили «в волшебстве» и сослали в Вологду; Алексей Михайлович не мог ещё перечить своему всесильному наставнику.

Для упрочения своей власти Морозову хотелось женить Царя так, чтобы новая родня была с ним близка; и он нашёл подобный способ. Был у него верный, лично ему преданный подручник, незнатного рода дворянин Илья Данилович Милославский (1595–1668), у которого имелись две красивые дочери: Мария и Анна. Морозов составил план: выдать одну из них за Царя, а на другой жениться самому.

Боярин расхвалил дочерей Милославского и предоставил Царю случай увидеть их в Успенском соборе на литургии. Самодержец засмотрелся на Марию, пока она молилась. Вслед за тем Алексей Михайлович повелел позвать её с сестрой к царским сестрам, явился туда сам и, разглядевши поближе, нарек её своею невестой. Эта партия была необычной и вызвала различные слухи о том, что «Царя околдовали», «опоили зельем». Ведь избранница Царя была на три года его старше! Такого в истории Царского Дома ещё не бывало.

16 января 1648 года Алексей Михайлович сочетался браком с Мариєю Ильиничною Милославской (1624–1669). Свадьба эта, сообразно набожным наклонностям Царя, отличалась тем, что вместо игры на трубах и органах, вместо битья в накры (литавры), как это допускалось прежде на царских свадьбах, певчие дьяки распевали стихи из праздников и триодий.

Брак этот оказался в полной мере счастливым; Алексей Михайлович нежно любил свою жену все двадцать один год супружества. Супругов несомненно сближало то, что оба были ревностными, полноправными православными людьми. Мария, считавшая своей небесной покро-

вительницей Марию Египетскую, была столь же последовательной и столь же непримиримой, как и супруг, в соблюдении церковного обряда, в исполнении всех обиходных норм благочестивого жизнеустройства. Она много и всегда с открытой душой помогала бедным и неимущим, опекала своей заботой некоторые обители и храмы. В народе Мария Ильинична пользовалась почитанием; её называли «благочестивой» и «церкволюбивой».

В летописи чудес от иконы Богородицы в Успенском девичьем монастыре Александровской слободы сохранилось предание о явлении покровительницы монастыря Царицы Марии монахиням обители. Это бесхитростно-трогательное и эмоциональное повествование – свидетельство высокого почитания Марии Милославской в православной среде.

«Прихожанка некая девица именем Мавра из слободы Александровы, била челом отцу Корнилию (настоятелю храма), приходя в монастырь 5 лет, дабы её принял во святую обитель и причёл ко избранному стаду. Отец же Корнилий, видев её слезы и прилежное прошение, принял её. Она же поживе лето едино, отец же Корнилий возложи на неё ангельский образ. Она же жила 11 лет в монашестве, в тяжких трудах и службах монастырских. По сем диавольским наваждением, от неразумия своего, прокляла жизнь свою. И в тот час ударилась о землю, и пребывала в той болезни лютой годичное время. Видя же себе толико страждущую сильно, начала со слезами молится Богу и Пресвятой Богородице с великою верою и с сокрушенным сердцем. По сем видит в видении благоверную Царицу Марию Ильиничну со двумя ангелами, среди трапезы стоящую. Монахиня же затрепетала. Благоверная (Царица) говорит ей: «Старица, приближься ко мне». Она же рече: «Не смею, госпожа моя, приближаться к тебе, понеже заповедано нам от наставника нашего не приближаться к Вашему Царскому Величеству». Рече же ей Царица: «Приблизься ко мне, не бойся». Она же, пришедши и припав к честным ногам её, и начала со слезами молится. Благоверная же Царица и Великая княгиня Мария Ильинична глаголила ей: «Встать». Она же, восставши от земли, просящи прощения. Благоверная же Царица великим гласом рече к ней: «Старица! Почто так клянёшься? Престань клясться – и исцелишься от недуга твоего». Паки было видение старица Мария, держали в своей руке икону Успения Пресвятой Богородицы, а в другой руке – икону Казанской Богородицы. Тогда глас бысть от образа Успения Пресвятой Богородицы, глаголющее ей: «Престани клятися, Мария, и здрава будешь от недуга твоего». И тако невидима бысть».

Брак Алексея Михайловича и Марии Милославской принёс тринадцать детей, из них двое – Фёдор (1661–1682) и Иоанн (1666–1696) станут царями, а дочь Софья (1657–1704) будет фактической правительницей государства в 1682–1689 годах.

Совсем иным оказался семейный союз Морозова, который через десять дней после царского венчания женился на сестре Царицы Анне Милославской, став царским свояком. Алексей Михайлович сделал своему теперь уже родственнику поистине «царский подарок»: карету, обитую снаружи и внутри золотой парчой с подкладкой из соболей, причём большая часть металлических деталей, включая и обода колес, были сделаны из литого серебра. Этот шикарный морозовский экипаж был уничтожен в июне 1648 года восставшими во время Соляного бунта.

Морозов был женат в первый раз еще в 1617 году. Разница в возрасте во втором браке между мужем и женой составляла более тридцати лет. Поэтому неудивительно, что у этой брачной четы, по выражению царского врача англичанина Самуэля Коллинса, вместо детей «родилась ревность», которая познакомила молодую жену старого боярина с кожаной плетью в палец толщиной.

Боярин Морозов полагал, что теперь-то он делается всесильным, станет полноправным «хозяином жизни», но временщик жестоко обманулся.

Всё его благополучие было сокрушено вмиг народным восстанием в Москве в начале июня 1648 года. Этот восстание получило название Соляного бунта и было вызвано широким

недовольством своекорыстной политикой правящей верхушки во главе с Морозовым. Общественное недовольство накапливалось несколько лет.

В марте 1646 года введён был повышенный налог на соль. Этой пошлиной хотели заменить разные старые мелкие поборы: проезжие мыты, стрелецкие и ямские деньги. Новую пошлину следовало собирать на местах добывания соли «гостям и торговым людям», которые туда приезжали, а за ней потом уже этим гостям и вообще всем торговым людям можно было торговать по всему государству солью беспошлинно.

Мера эта, упрощая сборы, должна была служить облегчением; но вышло совсем иначе. Народу пришлось платить за необходимый жизненный предмет двумя гривнами на пуд более, чем он платил в прежние годы, что вызывало повсеместное недовольство. По причине дороговизны соли рыбные торговцы стали недосаливать рыбу, а так как соленая рыба составляла тогда главнейшую пищу русских, то, с одной стороны, потребители не стали покупать дурной рыбы, а с другой – у торговцев попортился товар, и они несли большие убытки: соленая рыба чрезмерно поднялась в цене.

Вместе с пошлиной на соль разрешено было употребление табака, что, по православной традиции, считалось делом «нечистым». Склонность боярина Морозова к иноземным обычаям сильно раздражала благочестивых людей, которые составили уже себе понятие об этом растении как о «богомерзкой траве». В 1634 году указом Царя Михаила Фёдоровича была запрещена торговля табаком, как и его употребление. Теперь же, во имя фискальных интересов, этот давний запрет был отменён.

Как бы в знак милости по поводу царского бракосочетания ненавистная народу соляная пошлина была отменена, но у московского народа и без того уже накопилось сильное недовольство.

Брак Царя увеличил это недовольство. Морозов стал выдвигать родственников молодой Царицы, а они все были люди небогатые, отличались жадностью и стали брать взятки. Сам царский тесть Илья Милославский получил возможность воспользоваться новым положением для своего обогащения и, что называется, «брал без разбору».

Но никто так не опротивел народу, как двое подручных Морозова, состоявшие в родстве с Милославскими: Леонтий Степанович Плещеев и его шурин Пётр Тихонович Траханиотов.

Первый заведовал Земским приказом, а второй – Пушкарским. Плещеев обыкновенно обирал тех, которые приходили к нему судиться, и, кроме того, завел у себя целую шайку доносчиков, которые подавали на людей ложные обвинения в разных преступлениях. Обвиняемых сажали в тюрьму и вымучивали у них взятки за освобождение. Траханиотов поступал жестоко с подначальными служилыми людьми и удерживал следуемое им жалованье.

Торговые люди были озлоблены против Морозова еще и за потачку иностранцам, и за разные новые поборы, кроме соляной пошлины; так, например, для умножения царских доходов выдуман был казенный аршин с клеймом орла, который все должны были покупать, платя в десять раз более против его стоимости. Никакие просьбы не доходили до Царя; всякое челобитье решал Морозов или его подручники. Наконец, толпы народа стали собираться у церкви на сходки; толпы роптали, проклиная жадных и жестоких сановников.

1 июня 1648 года возмущённые москвичи решили вручить челобитную Царю, возвращавшемуся с богомолья из Троице-Сергиева монастыря. На Сретенке кортеж царский был остановлен. Алексей Михайлович молча выслушал претензии, в числе коих главными были: наказать мздоимцев и погубителей и созвать Земский Собор. Реакции не последовало, а по приказу Морозова толпу начали разгонять нагайками, причём было арестовано около двух десятков человек.

2 июня 1648 года огромная толпа недовольных собралась на Красной площади, а затем двинулась в Кремль. Это было первое восстание русского народа против высокопоставленных мздоимцев, или, выражаясь современным языком, против «коррупции» и «коррупционеров».

Собравшись вокруг царского дворца, горожане шумно требовали «выдать головой» главных виновников своего разорения – боярина Морозова, окольного Петра Траханиотова и Леонтия Плещеева. Морозов вышел на Царское крыльцо и от имени Царя пытался пристыдить собравшихся, но встретил такой шквал негодования и ненависти, что должен был быстро ретироваться; его еле успели уберечь от самосуда охранявшие дворец стрельцы.

Двор боярина Морозова в Кремле был разгромлен. При этом никто из погромщиков не позарился на богатство боярина. «То наша кровь», – кричали москвичи и бросали боярское добро в огонь. Восставшие не застали самого Морозова в его великолепном дворце, хозяин скрылся в царских палатах в Коломенском, но обнаружили там его молодую жену. По словам Олеария, они якобы заявили насмерть перепуганной боярыне: «Не будь ты сестра Великой княгини (т. е. Царицы. – А.Б.), мы бы изрубили тебя на мелкие куски».

Вслед за этим восставшие разорили двор думного дьяка Назария Чистого, возглавлявшего Посольский приказ. Сам хозяин был убит ударом дубины, а тело его брошено в выгребную яму. Плещеев был приговорён по царскому указу к казни, но народ забил его насмерть, как только того вывели на площадь. Траханиотов при начале беспорядков захотел скрыться из Москвы, но его настигли по царскому указу в двенадцати верстах от столицы, вернули обратно, и толпа растерзала его на Красной площади.

Московские стрельцы, кроме наиболее приближенного к Царю Стремянного полка, отказались подчиняться власти. Разгрому подверглись дворы Траханиотова, Плещеева, а также князей Н.И. Одоевского, А.М. Львова, дьяка Г. Ларионова, купца В. Шорина; считается, что около семидесяти дворов 2–4 июня 1648 года было уничтожено в Москве.

В довершение всех бед в этот же день в Москве вспыхнул сильный пожар, в результате которого выгорели улицы Петровка, Дмитровка, Тверская, Никитская, Арбат, Чертолье. Положение в городе сложилось катастрофическое.

Царь, по требованию бушующей многотысячной толпы, вынужден был удалить своего любимца; Морозов был выслан в Кирилло-Белозерский монастырь, где он пробыл несколько недель. Ссылка не изменила дружеского отношения Алексея Михайловича к Морозову, которого он вскоре возвратил в Москву. Однако Морозов не занимал больше официального положения во внутреннем управлении потому, что Царь хотел выполнить данное народу обещание. Несмотря на это, Морозов всё время находился при Царе, во время военных походов он неизменно получал высшее военное назначение.

Избежал расправы и царский тесть Илья Данилович Милославский, скрывшийся в царских хоромы, который хоть и сохранил свой общественный статус, но к делам управления допускаем не был. Алексей Михайлович вообще был невысокого мнения о своём родственнике и довольно пренебрежительно всегда называл его просто Ильей; так, по имени, обращались обычно к дворне.

События июня 1648 года оставили неизгладимый след в памяти Царя и в памяти народной. Это – первое за много лет городское восстание в Москве, перевернувшее обычный ход вещей, утвердившийся ещё при Царе Михаиле Фёдоровиче. Даже Патриарх (1642–1652) Иосиф, потрясенный народной стихией, как бы потерял дар речи и не попытался утихомирить разбушевавшиеся толпы. Лишь одна фигура не подвергалась в тот момент шельмованию в среде народной – Царь Православный.

Для Алексея Михайловича те события стали тяжелым испытанием и горьким уроком. Ему пришлось в свои девятнадцать лет в один миг повзрослеть, стать самостоятельным. Стало совершенно и навсегда ясно: за все дела и за всех людей ответственность несёт он, Самодержец, Царь всея Руси. Все последующие годы царствования Алексея Михайловича на вершине властной пирамиды уже никогда не появлялись самовластные временщики.

Душевной отрадой Царя Алексея всегда являлась семья. Он, как истинно православный человек, воспринимал свой счастливый семейный союз с Марией Милославской как Божье

предопределение. Тринадцать детей принесло это супружество, длившееся более двадцати лет (1648–1669). Появление каждого ребёнка воспринималась как милость Всевышнего, который по неизъяснимому Своему Промыслу не единожды забирал к Себе юных царскородных отпрысков. Почти никто из детей от первого брака – восемь девочек и пять мальчиков – не дожил до «седых волос».

Ни одна из царских дочерей от Мирославской, даже из круга тех, кто и прожил сравнительно долго, не вышла замуж. Не дано было Царю Алексею узреть в царском доме зятя. При этом у всех цесаревен сложилась непростая, а порой и трагическая судьба.

Царевна Анна Алексеевна, родившаяся во время московской эпидемии чумы в Вязьме 23 января 1655 года, преставилась в 1659 году и была погребена в Вознесенском монастыре Московского Кремля.

Царевна Евдокия Алексеевна, родившаяся в феврале 1650 года, преставилась в феврале 1669 года. Процедура похорон её описана в царском «Объявлении о кончине», где излагался традиционный чин погребения царскородных детей:

«Февраля, в 28 день, преставилась благоверная Царевна Евдокия Алексеевна; благовест был в Успенской колокол в один край, а по теле её приходили со кресты, а кресты, рипиды, да запрестольную Богородицы икону, да фонарь пред образом носят из собора; а как пойдут со кресты, в то число звон, и с большим колоколом в один край во вся; а как с телом пойдут, по тому же образу звон, а проводя тело в Вознесенский монастырь, Патриарх встречал у святых врат в монастыре, и поставя тело, ектенью говорил. А как надгробное отпели, и погребли тело, то Государь в дом свой поиде, и после его кресты в собор понесли, а при встрече крестов звон был...»

Ужас ситуации для Алексея Михайловича состоял в том, что он похоронил дочь за несколько дней до кончины свой супруги Марии, последовавшей 3 марта того же года. Горе было бесконечное...

Царевна Марфа Алексеевна (1652–1707) оказалась в оппозиции к преобразованиям своего сводного брата Царя Петра I. После Стрелецкого бунта 1698 года, во время которого она участвовала в обмене информацией между стрельцами и заключенной Царевной Софией, Царевна Марфа была сослана в Успенский монастырь Александровской слободы и пострижена. Остаток жизни провела в молитве, покаянии и трудах. Там же и упокоилась.

Ещё одна дочь, Царевна Екатерина Алексеевна (1658–1718), получила своё имя в память о видении Царю Алексею I Святой Великомученицы Екатерины, происшедшем незадолго до её рождения. В честь этого события Государь основал Екатерининскую пустынь в окрестностях села Царицыно. После Стрелецкого бунта 1698 года Царевна была арестована, но затем оправдана и освобождена. Стала восприемницей при принятии Православия будущей Императрицей (с 1725 года) Екатериной I (урождённой Мартой Скавронской, 1684–1727). Ей удалось сохранить приятные отношения с Петром I, а потому она тихо до конца жизни проживала в Москве, где и скончалась. Погребена в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря.

Царевна Мария Алексеевна (1660–1723) при Петре I пережила опалу и арест за поддержку, оказывавшуюся ею Царевне Софии Алексеевне и первой жене Петра Алексеевича – Царице Евдокии Федоровне, урождённой Лопухиной (1669–1731). В ходе расследования «изменного дела» Царевича Алексея Петровича (1690–1718) заключена в Шлиссельбургскую крепость и после нескольких лет заточения освобождена в 1721 году. Погребена в родовой усыпальнице Дома Романовых – Петропавловском соборе Петропавловской крепости Санкт-Петербурга.

Младшая дочь Алексея Михайловна Феодосия родилась в мае 1662 года в Москве, где неприметно прожила сорок пять лет своей жизни. В последние годы, по настоянию своего неугомонного сводного брата Царя Петра Алексеевича, вынуждена была переехать в Санкт-Петербург, где и скончалась в декабре 1713 года. Завещала же себя похоронить рядом с Царев-

ной Марфой Алексеевной в Успенском монастыре Александровской слободы, что и было исполнено.

Однако самая трагическая участь была уготована дочери Царя Алексея Михайловича Царевне Софье (1657–1704). После кончины единокровного брата Царя Феодора (1682) она возглавила «партию Милославских», воспрепятствовавшую устранению из порядка престолонаследия своего брата Иоанна Алексеевича (1666–1696), ставшего 26 мая 1682 года «первым Царём», наряду со «вторым Царём» – сводным братом Петром.

В мае 1682 года в Москве вспыхнул Стрелецкий бунт, повлекший за собой гибель нескольких представителей «партии Нарышкиных». В связи с болезненностью Царя Иоанна V и малолетством Царя Петра I Софья стала Правительницей государства при соцарствующих братьях. Властолюбие Царевны постепенно привело её к мысли об окончательном утверждении у власти в государстве.

В 1689 году Царь Петр I, родившийся 30 мая 1672 года, достиг совершеннолетия и вступил в брак с Евдокией Лопухиной, что лишало власть Царевны Софьи легитимной основы. Странники Царевны планировали заговор с целью устранения молодого Государя. Получив известие о готовящемся на него покушении, Петр I бежал из Преображенского села под защиту Троице-Сергиева монастыря.

Святейший Патриарх (1674–1690) Иоаким и большинство государственных деятелей поддержали Царя Петра. Царевна Софья была заключена в Новодевичьем монастыре с достойным содержанием и прислугой. После Стрелецкого бунта летом 1698 года, в ходе которого Царевна попыталась вернуться к участию в политической жизни, условия её жизни ужесточили. В октябре 1698 года Софья была пострижена в монашество под именем Сусанны; перед кончиной приняла схиму. Погребена в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря...

Особая забота, внимание и надежда Царя и Царицы неизменно возлагались на сыновей. Ведь сын, особенно первенец, – это будущий носитель «скифетра Российского Царствия». Он не только продолжатель рода, но и продолжатель и охранитель дела отца. Здесь у Алексея Михайловича были как большие радости, так и тяжёлые печали.

Первенец, Царевич Дмитрий, появившийся на свет 22 октября 1648 года, умер, не дожив до года, и был погребён в Архангельском соборе.

В феврале 1654 года, 5-го числа, появился на свет второй сын – Царевич Алексей Алексеевич, нареченный своим именем в честь высокочтимого в Царской Семье святителя Митрополита Киевского и всея Руси Алексия (1305–1378). Алексей Алексеевич получал воспитание и образование под руководством князя И.М. Пронского и Симеона Полоцкого (1629–1680). Оба, особенно Симеон, принадлежали к кругу самых образованных и просвещённых людей своего века.

На Руси существовал древний обычай: родители старались не показывать детей никому из посторонних, особенно в ранние годы, чтобы уберечь малюток от худого глаза. Однако это поверье не распространялось на старшего царского сына – правопреемника. Отец обязан был не только являть Цесаревича, что называется, «граду и миру», но и указывать его имя в официальных документах. 31 августа 1656 года появилась царская «грамота», извещавшая должностных лиц, что отныне царскородный сын должен упоминаться во всех официальных бумагах как «Великий Государь, Царевич и Великий князь Алексей Алексеевич». К тому времени «Великому Государю» ещё не исполнилось и трёх лет...

В 1667 году торжественно и официально Алексей Алексеевич был представлен народу как будущий Государь. В этой связи в царской грамоте говорилось: «По милости всемогущего в Троице Славимого Бога, изволили Мы, Великий Государь, нашего Царского Величества сына благоверного Царевича и Великого князя Алексея Алексеевича объявить в народ, и для той Нашей Государевой и всемирной радости, пожаловали Мы, Великий Государь, бояр и окольничих, и думных людей, и дворян московских, и жильцов, и дворян и детей боярских городо-

вых, велели к прежним окладам чинить придачи по указанным статьям». Далее шло перечисление, кому и сколько полагается получение денег по «царской милости».

Но не суждено было этому Царевичу носить титул Русского Самодержца. Немного не дожив до 16-летия, Алексей Алексеевич скончался. Как всегда случалось в подобных случаях, причина смерти не объяснялась. В царском извещении говорилось. «В нынешнем 1670 году, января 17 числа, в 7 часу дня, во второй четверти часа, в понедельник, изволением Всесильного Господа Бога, Великого Государя, Царя и Великого Князя Алексея Михайловича, всея Великой и Малой и Белой России Самодержца, благоцветущая отрасль, сын Его Государев, Благоверный Государь, Царевич и Великий Князь Алексей Алексеевич всея Великой и Малой и Белой России, от жития своего отыде, и переселился в вечное блаженство Небесного Царствия, от рождения своего в 16 лето».

Погребли наследника в Архангельском соборе 18 января, и церемония сопровождалась «рыданиями, великим стенаниями и воплями».

Уместно добавить, что имя Царевича Алексея Алексеевича использовалось бунтовщиками под водительством Степана Разина, которые выступали против существующих политических порядков, но не дерзали, по крайней мере явно, нарушить Соборную Клятву 1613 года о верности Дому Романовых. Участники восстания даже принесли присягу «Государю Алексею Алексеевичу». Потом несколько самозванцев играли роль Царевича, будто бы спасшегося от злоумышления бояр и соединившегося с простым народом...

Ещё один сын, Царевич Симеон Алексеевич, скончался 18 июня 1669 года, вскоре после того, как ему исполнилось четыре года, и был похоронен в Царской усыпальнице – Архангельском соборе Московского Кремля.

Только третьему сыну Алексея Михайловича, Фёдору (Феодору, 1661–1682), выпала доля носить корону Русского Царства. Он вступил на Престол после смерти отца 29–30 января 1676 года и венчался на царство в Успенском соборе Московского Кремля 18 июня 1676 года. Несмотря на слабое здоровье, он сумел прекрасно подготовиться к Царскому служению и получил блестящее образование под руководством упоминавшегося Симеона Полоцкого. Знал латинский и польский языки, сам писал музыку к церковным песнопениям и явился одним из основателей Славяно-греко-латинской Академии.

Подобно своему отцу Царю Алексею Михайловичу, Царь Фёдор III отличался глубочайшим благочестием. В его царствование учредили ряд новых епархий. Осуществлялись меры по изживанию раскола, шла борьба с внутрицерковными «бесчиниями и нестроениями». Основной внешнеполитической задачей царствования стало противостояние Турции и Крымскому Ханству, пытавшимся отторгнуть территории в союзе с предателями на Украине.

Царь Фёдор III был женат дважды: в 1679 и 1682 годах. Первая его супруга Царица Агафья Семёновна (урожденная Грушецкая, 1661–1681) скончалась 14 июля 1681 года вместе с только что родившимся Наследником Царевичем Илией Феодоровичем. Во втором супружестве, длившемся два месяца, Государь состоял с Царицей Марфой Матвеевной (урожденной Апраксиной, 1664–1715), не успевшей произвести на свет потомства.

...В марте 1669 года, 3-го числа, скончалась горячо любимая и высокочтимая супруга Алексея Михайловича Царица Мария Ильинична. Царь был безутешен: ведь с Марией он прожил практически всю свою сознательную жизнь. С ней он делил все радости и печали – вместе молились, совершали паломничества по святым обителям, обсуждали все важные государственные дела; с ней вместе радовались появлению детей и вдвоём тихо горелись, когда те, до срока, умирали. А теперь нет её, и он один в опочивальне; Мария, или, по-семейному, Маруся, больше не придёт и не с кем перед сном слово молвить.

Похоронили Царицу 4 марта, и в официальном объявлении о «преставлении Царицы Марии Ильиничны» говорилось, что процедурой отпевания и похорон руководил Патриарх и звон «был плачевный».

Оставшись вдовцом, Алексей Михайлович затосковал. Все чаще призывал он к себе «ближнего советчика» Артамона Матвеева (1625–1682), которого ценил за ум, честность и образованность. Матвеев мог интересной беседой и добрым словом развеять царскую печаль, отвлечь от грустных мыслей. Однажды, в самом конце 1670 года, Алексей Михайлович сообщил своему другу, что намерен пожаловать к нему в гости, но желает, чтобы его приняли не как Царя, а просто как доброго знакомого, без церемоний. Матвеев, вернувшись домой, позвал жену и свою воспитанницу – дочь давнего подчинённого стольника Кирилла Полуектовича Нарышкина (1623–1691) Наталью (1651–1694) и приказал подготовить дом к встрече Государя.

По всем представлениям той поры Нарышкины принадлежали к числу «худородных», «неказистых», полунищих родов. Кириллу Нарышкину чрезвычайно повезло, что его дочь Наталью взял на воспитание в свой богатый и открытый дом Артамон Матвеев. Здесь Наталью приняли как родную, начали величать «племянницей», хотя каких-либо надёжных свидетельств о близких кровнородственных связях между Матвеевыми и Нарышкиными не существует.

Матвеев являлся одним из первых русских «западников»; в этой семье уже знали вкусы и нравы «из Европы». Его жена Евдокия Григорьевна была по происхождению шотландкой, урождённой Гамильтон. Царь Алексей Михайлович приобрел через эту женитьбу хотя и весьма отдалённое, но свойство с Королевским Домом Стюартов в Англии. По линии своей прабабки Евдокия являлась прямым потомком Эдварда Брюса (1275–1318) – последнего «Верховного Короля Ирландии». Эдвард Брюс приходился родным братом Королю Шотландии (1306–1329) Роберту I, от которого и ведёт своё начало Королевский род Стюартов.

Существует предположение, согласно которому записанный в VI часть дворянской родословной книги Тульской, Самарской и Московской губерний род нетитулованных дворян Хомутовых (в Российской Империи было известно три одноименных рода) происходил от шотландца Томаса Гамильтона, выехавшего в Россию из Великобритании в 1542 году вместе с малолетним сыном Петром, который при Иоанне Грозном состоял «на службе по Новгороду». Принято в генеалогии считать, что английское «Hamilton» превратилось в русском языке в понятное «Хомутов». Одна из представительниц рода потомков Томаса, его правнучка Евдокия Григорьевна Гамильтон, и являлась женой боярина Артамона Матвеева.

Хотя Матвеев имел в это время скромное звание «думного дворянина» (боярином он станет только в 1674 году), но благодаря царскому расположению управлял Посольским приказом, то есть ведал всеми внешнеполитическими делами государства.

Царь прибыл к ужину и пожелал, чтобы вся семья вместе с ним села за стол. Это была довольно необычная просьба; во времена Алексея Михайловича женщины жили на своей половине и в мужские компании не допускались. У Матвеева домашний уклад жизни был менее патриархальным, поэтому жене и воспитаннице позволялось выходить к гостям. И теперь, по просьбе Царя, женщины присутствовали на ужине.

Алексею Михайловичу очень приглянулась девятнадцатилетняя Наталья Кирилловна Нарышкина. Он заговорил с ней, а она, оправившись от первого смущения, начала отвечать весьма бойко и толково, чем просто обворожила Государя. Наталья была необычной барышней. Она не только отличалась красотой, но и разбиралась в таких вещах, о которых иные и не слышали. Она увлекалась химией и физикой, и было известно, что её благодетель – Артамон Сергеевич – выписал специально для неё из Голландии какой-то «физический кабинет». Сам чрезвычайно любознательный от природы, Царь был просто поражён; девиц с подобным широким кругозором он ещё в жизни не встречал.

Через несколько дней Алексей Михайлович без предупреждения пришёл в дом к Матвеевым и просил у Артамона Сергеевича руки его воспитанницы. Матвеев испугался, побелел весь, подумал, что это какая-то странная, если не сказать, опасная шутка. Но Царь и не думал

шутить. Он приказал пойти и спросить Наталью Кирилловну, согласна ли она стать царской невестой.

Матвеев побоялся подобного поворота событий. Не того, что Наталья станет Царицей, а того, как она ею станет. Ведь скороспелое желание Царя выходило за рамки устоявшегося порядка вещей. Царь обычно выбирал избранницу на смотре невест, куда отбирались самые красивые и самые «достойные». Это была публичная государственная процедура, готовившая несколько недель. А тут в раз – и невеста!

Наталья – невеста из небогатого и незнатного рода, и выбери её Царь вот так, не по обычаю, неизбежно – сплетни, гнусности, доносы, способные погубить и Наталью, и всю её семью. Об этом открыто сказал Матвеев Государю, и просил сделать так, как обычай велит: принято было собирать в царские палаты на подобные смотрины барышень из разных семейств, которые жили там несколько дней, в течение которых Царь должен был выбрать себе из них невесту. Матвеев просил, чтобы и в этот раз также было, чтобы не говорили потом, что боярин перехитрил или околдовал Царя, навязав ему свою воспитанницу. Алексей Михайлович согласился. Шестьдесят знатных девушек были собраны на смотрины. Но сердце Царя уже принадлежало Наталье Кирилловне, и вскоре она была объявлена царской невестой.

Алексей Михайлович был на два десятка лет с лишком старше невесты. Однако это не могло служить преградой. Никогда ещё не бывало, чтобы какая-либо избранница смогла отказать самому Царю! К тому же по всем русским бытовым эстетическим представлениям Алексей Михайлович – мужчина хоть куда: голубоглазый, дородный, светлицый. Вот как описал его современник: «Царь Алексей Михайлович – росту среднего, имеет лицо полное, несколько красноватое, тело довольно тучное, волоса среднего между чёрным и рыжим, глаза голубые, поступь величавая; на лице его выражается строгость вместе с милостию, взглядом внушает каждому надежду и никогда не возбуждает страха».

Брачный выбор Самодержца был одобрен и царским духовником с 1666 года Андреем Савиновым (Постниковым), настоятелем храма Георгия Неокесарийского в Дербицах. Алексей Михайлович чрезвычайно ценил и любил «отца Андрея». По наблюдению Якова Рейтенфельса, Алексей Михайлович «никогда не разлучается со своим духовником». Именно в этом храме и состоялось венчание Царя и Натальи Кирилловны; существует предположение, что в этом же храме и был крещён их первенец – Пётр Алексеевич.

Свадьба состоялась 22 января 1671 года. Самодержец не хотел придавать своему второму браку характер помпезного государственного торжества, и вся свадебная церемония была обставлена довольно скромно.

Милославские, в первую очередь три здравствовавшие взрослые царские дочери от первого брака – Марфа, София, Екатерина, невзлюбили Наталью Нарышкину с первого момента, как только узнали об отцовской симпатии. Не имел расположения к Нарышкиным тогда Митрополит Новгородский и будущий Патриарх (1674–1690) Иоаким, который, став Первосвященником, просто возненавидел царского духовника, который «был слишком хорош» с Нарышкиными и «сочувствовал» низложенному Патриарху Никону. Когда Алексей Михайлович скончался, то вскоре Андрей Савинов по настоянию Иоакима был арестован и выслан из Москвы в дальний Кожеозерский монастырь, тот самый, где в молодости подвизался Патриарх Никон...

Матвеев не ошибся, предрекая наветы, клевету и наговоры на него и его семью. Как же так: Царь выбрал себе в жены не знатную боярышню, а какую-то Нарышкину, у которой за душой и гроша-то ломаного не было! Но Алексей Михайлович, всё прекрасно понимая, не желал строить семейную жизнь с чужого голоса. Ведь ни его первая супруга (Милославская), ни его мать (Стрешнева) к числу именных, «золотых боярских родов» не принадлежали, но стали достойными избранницами.

Потому Царь и не обращал внимания на доносы и сплетни в отношении своего любимого Матвеева, которого недоброжелатели называли и «колдуном», «еретиком», «чернокнижником». Столь же нелестными эпитетами стали награждать и Наталью Нарышкину, как только весть о расположении к ней Царя с быстротой молнии разнеслась по Москве. Несмотря на все злые наветы и козни, Наталья Кирилловна стала Русской Царицей. Но на протяжении еще очень многих лет конфликт между Милославскими и Нарышкиными будет определять судьбу Русского Престола.

Вот как выглядела новая Царица в описании Якова Рейтенфельса, не раз видевшего избранницу Алексея Михайловича: «Это – женщина в самых цветущих летах, росту величавого, с чёрными глазами навывкате, лицо имеет приятное, рот круглый, чело высокое, во всех членах изящная соразмерность, голос звонкий и приятный, и манеры самые грациозные».

В 1672 году, 30 мая (12 июня), Наталья Кирилловна родила первенца – сына Петра, ставшего впоследствии самым знаменитым Царём-реформатором – Петром Великим. До этого времени имя Пётр никогда не давалось членам Царского Семейства, и почему Алексей Михайлович и Наталья Кирилловна остановились на этом имени, так до конца и неясно. Крестниками мальчика стали: его тетка, сестра Царя Ирина Михайловна, и его сводный брат, старший царский сын и наследник Фёдор Алексеевич.

Новая Царская Семья внесла некоторые новшества в принятые правила поведения при Дворе. Так, Царь, неизменно любивший охоту, брал с собой свою супругу, выезжал с нею в карете с незанавешенными окнами, то есть женщина стала получать некоторые послабления и, несомненно, больше свободы, чем то ранее было.

Женитьба на Наталье Нарышкиной и семейное «сближение» с укладом дома Матвеева сказывалось на вкусах и интересах Царя и его ближайшего окружения. Появление в России театра стало одним из таких результатов.

В конце 60-х годов XVII века в Москве, в Немецкой слободе, подвизался в качестве лютеранского пастора Иоганн Грегори († 1675) – пасынок немецкого врача Лаврентия Блюментроста (1619–1705), который с мая 1668 года являлся лейб-медиком Царя Алексея Михайловича. Этот самый пастор Иоганн при своей кирхе учредил школу для детей православного и лютеранского исповеданий, при которой основал домашний театр для представления пьес духовно-нравственного содержания. Для Москвы того времени то была редкая «диковина», о которой Царю и поведал всеведующий Артамон Матвеев.

Самодержец пожелал, чтобы пастор Грегори «учинил комедию, а на комедии действовать из Библии книгу Есфирь и для того действа устроить хоромину вновь» (в селе Преображенском). Грегори вместе с учителем приходской школы Юрием Михайловым собрал в Москве «детей разных чинов служилых и торговых иноземцев, всего 64 человека» и стал с ними разучивать собственную пьесу об Есфири, или так называемое «Артаксерксово действо», разыгранное 17 октября 1672 года в Преображенском.

Прежде чем отправится на представление, Царь долго беседовал со своим духовником, который в итоге одобрил намерение «смотреть комедию». Царь руководствовался правилом, которое стало новой русской поговоркой, с которой начиналось его книга о соколиной охоте: «Делу время, а потехе час».

Невиданное дотоле на Руси зрелище очаровало Царя, следившего за ходом пьесы в продолжение почти 10 часов непрерывно; он щедро наградил комедиантов и Грегори, который получил «40 соболей во 100 рублей, да пару в восемь рублей». Спустя некоторое время Грегори и комедианты «Артаксерксова действа» «были у Великого Государя у руки и видели его светлые очи»...

В последние годы жизни Царь увлекся европейской музыкой. 21 октября 1674 года Алексей Михайлович устроил для себя и ближних людей пир, который сопровождался очень необычной потехой: «Играл в органы немчин, и в сурну (то же что зурна), и в трубы трубили,

и в суренки (маленькие дудочки) играли, и по накрам, и по литаврам били ж во все». Самым необычным в этом царском веселье было то, что некий «немчин» (немец) играл на органе, звуки которого в царском тереме никогда не звучали. Орган считался отличительной особенностью католической мессы, а потому инструментом «нечистым», «засорным» и «позорным». Однако Самодержец всея Руси имел право быть выше распространённого мнения.

Несмотря на любовь к иностранным «диковинам» и «забавам», Царь оставался русским во всем, что касалось духовно-нравственных устоев русского православного миропорядка. Здесь никаких отступлений и послаблений чужестранцам и чужезерию не допускалось до самого конца царствования.

Период его правления – 31 год – не явился временем безмятежного покоя ни для страны, ни для правителя. Изнурительная война с Польшей (Речью Посполитой) в 1654–1667 годах и Швецией в 1656–1658 годах, народные мятежи – Соляной бунт 1648 года, Медный бунт 1662 года, как и антиправительственное движение под руководством донского казана Степана Разина в 1670–1671 годах, – стали испытанием на прочность и государственного устройства и компетентности власти.

С эпохой Алексея Михайловича неразрывно связано и одно ещё потрясение русского национально-государственного бытия, имя которому – Раскол. Начавшись по частному поводу, касавшемуся обрядовой стороны церковного священнодействия, постепенно расширяясь, противостояние между новoverами и староверами начало приобретать характер непреодолимого и тотального противостояния. Хотя численность староверов в общей массе населения была невелика (около ста тысяч), но их фанатическая приверженность своим обрядовым церковным принципам была столь нерушима и неколебима, что возникала угроза духовной основе Русского государства – Православию.

Фактического же «раскола» Церкви тогда не произошло, хотя умозаключения противоположного свойства часто встречаются на страницах исторических сочинений. Однако потенциальная и вполне серьёзная угроза подобного развития событий существовала. По существу своему, точнее всё-таки говорить не о «расколе», а об «отколе» части православного социума от единого национально-церковного организма, поставившего некое «умозрение» выше и значимее соборно-церковного волеизъявления.

Царь Алексей первым из русских правителей гласно провозгласил защиту Вселенского Православия от притеснений иноверцев не только как сокровенное чаяние своей души, но и как высшую установку царского служения. В 1656 году перед лицом Антиохийского Патриарха (1647–1672) Макария произнёс: «Я боюсь, – говорил Царь, – что Всевышний възыщет с меня за них (гонимых православных. – А.Б.), и я принял на себя обязательство, что, если Богу будет угодно, я принесу в жертву своё войско, казну и даже кровь свою для их избавления». Подобный обет – наглядное проявление вселенского мироощущения вождя Третьего Рима.

Личность Царя Алексея Михайловича являлась эпонимом эпохи. В нём замечательно, порой до причудливости, переплетались и совмещались черты старомосковского человека, преданного всей душой, порой до самозабвения, «старине», обычаям и нравам былого, но одновременно открытого всему новому, особенно в областях текущего государственно-бытового жизнеустройства.

Во второй половине XVII века наблюдалась трансформация всей системы русской религиозной культуры; возникает светская литература, в том числе поэзия, зарождается светская живопись, а при Царском дворе устраиваются первые «комедийные действия».

Царь был до самой смерти человеком чрезвычайно любознательным. К своему же царскому служению относился неизменно требовательно и щепетильно. Он не признавал в любом государственном служении «мелочей»; всё являлось значимым и чрезвычайно серьёзным. Он не сомневался, что Господь на Страшном суде спросит с каждого и за его личное благочестие и за его службу.

Алексей Михайлович являлся богобоязненным, милосердным и добросердечным человеком. Первым из Русских Царей нарушил традицию и стал собственноручно подписывать документы. Ему приписывается и ряд литературных сочинений: «Послание на Соловки», «Повесть о преставлении Патриарха Иосифа», «Урядник сокольничья пути» и др. Сохранился и целый комплекс (около ста) личных посланий Царя различным лицам. Кроме того, Алексей Михайлович известен и как гимнограф, автор распева стиха «Не тебе Пресвятая Богородице диво».

Алексей Михайлович в полной мере осознавал свою Царскую миссию как духовно-подвижническую. В послании своему сподвижнику князю Н.И. Одоевскому (1602–1689) в 1652 году Самодержец выразил сокровенное, признавшись, что молится ежедневно Всевышнему, чтобы Господь Бог даровал бы «людей Его рассудить в правде, всех равно».

Правда Божия – вот смысл, путь и ориентир для человека, но и для государства. В подобных сентенция слышится и отголосок мечтаний Первого Царя Иоанна Грозного о превращении Руси в обитель христианско-монастырского благочестия, но вместе с тем и голос духовного пастыря.

Нельзя принять за полностью достоверные встречаемые в литературе утверждения, что Русь стала «Святорусским Царством». Она им не стала и стать не могла. Но если и существовал в Русской истории период, когда сакральные эталоны и земные упования приблизились друг к другу в максимально возможной степени, то это – годы правления Царя Алексея Михайловича. При нём Закон Сакральный и закон земной находились в полной смысловой гармонии, причём закон формальный, государственный весь был пронизан духовной интенцией. Защита и отстаивание церковного установления и церковного священнодействия ставились первее и выше всех прочих государственных интересов. Это в полной мере отразил выдающийся универсальный правовой свод той поры – Уложение 1649 года.

Русь позиционировала себя Государством-Церковью, где воцерковлённость жизни была всесторонней, где духовные приоритеты безусловно преобладали, а любые выступления против Веры и Церкви квалифицировались как первостатейные преступления.

...Один из современников заключил, что «Алексей Михайлович такой государь, какого желают иметь все христианские народы, но не многие имеют».

Царь Всея Руси Алексей Михайлович тихо почил в ночь на 30 января 1676 года в возрасте 47 лет и был погребён в церкви Святого Архистратига Михаила (Архангельском соборе) Московского Кремля. Перед кончиной он благословил на Царство сына Фёдора (1661–1682), приказал отпустить на волю всех заключённых и сосланных, а должникам простить их долги. Это была кончина благочестивого православного монарха, оставившего светлый след в памяти народной.

Глава 5. Разрушение Московского Царства

Царь Алексей Михайлович почил в период расцвета Московского Царства. Казалось, что мощная и цветущая твердыня будет стоять века, только укрепляя и расширяя свою силу. Однако этого не случилось. Прошло всего двадцать лет после смерти «Тишайшего Царя», и Русь-Россия вступила в период потрясений, который с полным правом можно назвать Русской Реформацией.

За последующие четверть века всё в стране было переименовано, изменено и преобразовано, да так существенно, что время Алексея Михайловича начало представляться какой-то далёкой и небывшей сказкой, а вся жизнь в Московском Царстве уже людям XVIII века стала казаться каким-то сонным, скучным и тёмным прозябанием.

Наступала эпоха европейского «политеса» и «куртуаза», эпоха «Петербургской Империи». И эта вселенская пертурбация, это немислимое самоотречение связано с именем и делами младшего сына Алексея Михайловича, его любимого «Петруши». В историческом контексте самое печальное, что ощутимый удар духовной силе Московского Царства нанес не внешний враг, а Русский Царь. В этом отношении Пётр I – национально-духовная катастрофа в истории России.

Почему так случилось, почему сын стал ненавистником и отвергателем дела отца и деда, да и усилий всех прочих царей, созидавших и охранявших Московское Царство? Это великая социо-психологическая загадка, не разгаданная донныне, хотя количество сочинений о Первом Императоре не поддаётся учёту...

Сокрушив правление сводной сестры Софьи и расправившись со стрельцами в августе-сентябре 1689 года, клан Нарышкиных делает Петра, по существу, повелителем России. К тому времени ему едва минуло семнадцать лет. После же смерти в 1696 году старшего сводного брата Пётр Алексеевич становится единоличным неограниченным правителем.

Разрыв с русским прошлым начался для Царя летом 1698 года, когда он вернулся из длительной поездки за границу и подавил восстание стрельцов. Именно тогда Пётр явил свой дикий лик, не только расправляясь с личными врагами, но со всеми, кто смел ему перечить. И впервые в русской истории Самодержец лично рубил головы «преступникам» (стрельцам), получая от этого кровавого занятия явное удовлетворение...

В положительной оценке Петра сходились совершенно разные люди: от Екатерины II и Вольтера до Карла Маркса и русских революционеров. Все они приветствовали главное дело повелителя Руси – разрушение Московского Царства, Третьего Рима, место которого занимал цивилизационный фетиш, а по сути – Рим Первый, языческий.

Православный Святорусский идеал подменялся и заменялся секулярной идеей Великой России. Понятия «смысл жизни» и «цель жизни» наполнялись светским, внецерковным смыслом; содержательная обусловленность установочных понятий начала терять сакральную ориентированность и надмирную устремлённость.

Петровская Россия, или, как её иронически называли славянофилы с подачи пресловутого маркиза де Кюстина (1790–1857), «имперские фасады», вырастила поколения людей, не знавших и не чувствовавших, что за этими «фасадами» может скрываться полноводная и многоцветная жизнь. Русский исторический опыт был ошельмован и предан долговому забвению, а все привычки, нормы, эталоны начали черпаться извне – «из Европы». Как точно выразился Н.М. Карамзин, с Петра «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России».

Россия не просто стала «учиться у Запада»; сама по себе полезность «учения» не подлежит сомнению. Она начала заимствовать, перенимать, копировать, часто без всякого разбора и без всякой критической оценки, не только технические, технологические, цивилизационные

новации, но и весь строй культурной жизни. Подобное безоглядное копирование и позволяло таким националистам, как Германский Император Вильгельм II, потом презрительно называть Россию «страной-обезьяной». Государственная власть, а в широком смысле весь монархический истеблишмент, формировались теперь под знаком западоцентричных координат. Потому уже, в XVIII веке, многие были искренне уверены, что «настоящая история» России начинается именно с Петра I и его пресловутого «окна в Европу».

Отношение к Петру – давний разделительный мировоззренческий ориентир. По сути дела, здесь – исходный фокус всех идеологических противостояний XIX–XX веков. Восторги и безусловное одобрение дел Петровых – верный признак европоцентричного, западного, дерусифицированного сознания. Ведь он, по справедливому замечанию одного из «отцов славнофильства» И.В. Киреевский (1806–1856), – «разрушитель русского».

Пётр I действительно насильственно насаждал «европейскую цивилизацию». Правда, при этом обычно не принято поднимать вопроса о цене преобразований, которая, среди прочего, выражалась и в бесчисленном количестве загубленных человеческих жизней. За время правления Петра I, за неполных тридцать лет, население России, по разным оценкам, уменьшилось от 20 до 40 %. Кстати сказать, за сорок лет безраздельного правления «кровавого тирана» Иоанна Грозного численность населения в подвластной ему Московии увеличилась почти вдвое.

Все «материалисты», «прогрессисты», «эволюционисты» тут как в оцепенении. Хотя уже давно установлено, что эпоха Петра Великого – пик государственного насилия, в том числе и в применении смертной казни. Никто даже приблизительно не установил количество погибших «во славу преобразований». Однако правда состоит и в том, что никто из «русских европейцев» и не проявлял желания такие потери считать. В других случаях «математические выкладки» и «статистические показатели» – излюбленный прием при доказательстве «русской отсталости». Здесь же статистика замолкает.

Сам Пётр Алексеевич, его клеветы и многочисленные симпатизанты трактовали как человеческие потери, связанные с военными кампаниями Преобразователя, так и многочисленные казни неугодных – как неизбежные жертвоприношения на петровский «алтарь Отечества». Метафорически злодеяния Царя-Императора так часто воспринимаются до сих пор. Но при этом почему-то не возникает вопроса: что же до Петра I на Руси не существовало «алтаря Отечества»? Конечно же, он наличествовал. Только тогда «алтарь Отечества» и церковный алтарь значили одно и то же. И лишь со времени Петра Великого они стали существовать и восприниматься отдельно.

В один исторический миг на Руси всё чужое начало признаваться властью «своим», а все исконное в одночасье стало третироваться как «негодное». Это явилось потрясением национально-религиозного сознания. Историк Церкви Смолич И.К., в целом весьма высоко оценивавший «петровскую революцию», вынужден был признать, что «все преобразования Царя были проникнуты духом секуляризации, который поколебал всю совокупность норм народной жизни».

Впервые в Русской истории властью завладел и ей безраздельно начал распоряжаться не просто «плохой правитель». Суть несчастья состояла не в «самодурстве», «кураже», «прихотях» и «жестокостях» – такие качества и проявления верховной власти русские готовы были сносить, не ропща. Самое страшное состояло в том, что правитель «от Бога» стал творить «небожье дело», начал «разрушать русское». В таком восприятии происходящего сходились и сторонники протопопа Аввакума из числа староверов, и приверженцы ортодоксального Православия.

Грубые и безоглядные нововведения Петра Алексеевича способствовали обострению эсхатологических переживаний и ожиданий, которые никогда в православном мире не исчезали, но обострялись до чрезвычайности в моменты исторических потрясений. По заключению исследователя, «пришествие антихриста ожидалось в 1666 г., когда оно не исполнилось,

стали считать его, 1666 г., не от Рождения Христа, а от Его Воскресения, т. е. стали ждать его в 1699 г. (1666+33=1699). И всего за несколько дней до начала этого года (25 августа 1698 г.; следует иметь в виду, что новый год начинался 1 сентября) явился Пётр из первого своего заграничного путешествия, причем его пребывание было сразу же ознаменовано целым рядом культурных нововведений (уже на следующий день началась насильственная стрижка бород; уничтожение бород было ознаменовано в новолетие 1699 года; тогда же началась и борьба против национальной русской одежды и ряд других реформ того же порядка).

С этим естественно связывали слух о том, что настоящего Царя за границей «убили» или «подменили», причем слухи эти начались еще до возвращения Петра. Надо полагать, что легенде о «подменённом царе» «способствовал и карнавальный маскарад Петра, который во время вояжа принял на себя роль урядника Петра Михайлова».

Надвигающуюся угрозу русскому благочестию православные пастыри разглядели на самой ранней стадии её явления. В своем «Завещании» Патриарх Иоаким (1674–1690) заповедовал: «Всякое государство свои нравы и обычаи имеет, в одеждах и поступках свое держит, чужого не принимают, чужих вер людям никаких достоинств не дают, молитвенных храмов им строить не позволяют». Голос Архипастыря Петром Алексеевичем услышан не был.

Нет никаких оснований приписывать Петру I изначальный злокозненный русофобский замысел. Он, конечно же, руководствовался в своей деятельности идеей «блага» страны, понимая его лишь с позиции властного прагматического расчета. Он хотел неограниченной власти не во имя власти, а «во имя России».

Иногда можно встретить утверждения, что Пётр I «унизил Церковь». Думается, что такая формулировка – бессмыслица. «Церковь» в своем исходном, высшем, абсолютном значении никакой смертный, даже наделенный безбрежной властью, «унизить» не в состоянии.

Он может изменить и даже упразднить земное установление, «общину людей», историческое социальное явление, но «отнять» Церковь, «лишить» Веры он не в силах. Однако оскорбить чувства верующих, умалить святых своим святотатством повелитель может, в особенности если отмечен знаком сакрального избранничества, как то и произошло с Царём-Императором Петром Алексеевичем.

Отказ от наследия Алексея Михайловича проявился в принципиальном изменении отношения верховной власти к Церкви. Пётр I решительно и безоглядно постарался разорвать эту органическую историческую связь. Русь становилась светской Империей, в которой Православие сделалось лишь главной конфессией. Теперь Церковь пребывала в Империи, а не Империя была в Церкви; отныне, по протестантскому образцу, Церковь становилась как бы ведомством, обязанным обслуживать «государственный интерес».

Государство начало преподноситься как самодовлеющая и самоценная историческая субстанция, а «дело Государя» заменялось «государственным делом». Причем любое уклонение от защиты интересов его признавалось преступлением, достойным смерти. Петровский указ от 24 апреля 1713 года устанавливал жесточайшее наказания «вредителям государственного интереса»: «Сказать во всём Государстве (дабы неведением никто не отговаривался), что все преступники и повредители интересов государственных с вымыслу, кроме простоты какой, таких без всякие пощады казнить смертию, деревни и животы брать, а ежели кто пощадит, тот сам казнен будет».

Особым указом от 23 октября 1713 года подданные поощрялись доносить лично «Его Царскому Величеству» о «преступниках и повредителях интересов Государства», за что им полагалось щедрое вознаграждение в виде движимого и недвижимого имущества «повредителей».

Что такое «интерес государственный», в законе не разъяснялось. Из контекста же всего петровского законодательного творчества следовало, что это – «воля Государя», которая напрямую не коррелировалась с сакральным заданием, адресованным христианскому прави-

телю. Теперь государственный закон в первую очередь не охранял больше достоинство Церкви и её пастырей, как то было при Алексее Михайловиче. Отныне только отвлечённый «интерес государственный» становился самоценной приоритетной заботой Законодателя.

Конечно, Пётра Алексеевича нельзя назвать примитивным «атеистом на Троне», как его иногда именуют. Он был слишком умным и так сказать масштабным; для этого он был «слишком русским». Во всяком случае, он прекрасно понимал то первейшее значение, которое имело Православие в жизни его подданных. Он не отвергал Бога. Мало того, силой своего беспощадного закона он оберегал Имя Божие, Имя Пресвятой Богородицы от возможных оскорблений и поношений. За подобные деяния по петровскому указу полагалась смертная казнь – «отсечение главы». В его «Воинских артикулах», увидевших свет в 1716 году, об этом говорится со всей определённой ясностью.

Одновременно с этим Петру I, любившему различные «регламенты», потребовалось, «как в Европе», сформулировать и верховные властные прерогативы, ему принадлежавшие. Так впервые в русской истории появилась формула, определяющая формальной юридической категорией, «письменным словом», права Самодержца. «Его Величество, – говорилось в «Артикулах», – есть самовластный Монарх, который никому на свете ответу дать не должен, но силу и власть имеет свои Государства и земли, яко Христианский Государь, по своей воле и благомнению управлять».

Формулировка была явно неудачной; она не проясняла источник «самовластной» прерогативы, а само это выражение подменяло самодержавное определение монаршей власти. Ведь понятия «самовластье» и «самодержавие» хотя и можно поставить в один семантический ряд, но в семиотическом, историко-духовном значении это – две разнозначимые величины.

При Петре I начался принципиальный, глубочайший разлад между физическим и метафизическим мирами. Традиционное русское мирозерцание теряло свою цельность и универсальность. Имея в виду Петра и его окружение, ученый-богослов Протоиерей Лев Лебедев очень точно заметил, что общество это, не отрекаясь от веры и Церкви, «отрекалось от образа жизни, к которому звала Церковь, в поклонении которому она старалась, поелику возможно, удержать все общество в целом».

Вряд ли возможно утверждать, что до Петра Алексеевича «образ жизни» и «образ правления» царских особ всегда находились в гармоничном единении и полностью отвечали Христианскому Завету. Однако трудно спорить с тем, что именно при Петре I Богоугодная жизнь перестала служить жизненным ориентиром для Монарха, а исходная православная интенция – в русском выражении «истина», «правда» – мало что стала определять в делах государственных. Состояние христианского катарсиса («духоочищения») начинает уходить из высших кругов в социальную толщу. Пётр фактически перестал быть Самодержавным Царём, утвердив себя в роли светского неограниченного монарха, а потому Царское Самодержавие при нём и приобрело облик западноевропейского абсолютизма.

В детстве Пётр получил духовное образование и, как писал В.О. Ключевский, «свободно держался на клиросе, читал и пел своим негустым баритоном не хуже любого дьячка» и утверждал даже, что «мог прочесть наизусть Евангелие и Апостол».

Его отец Царь Алексей Михайлович, его мать Царица Наталья Кирилловна, его старший сводный брат Царь Фёдор Алексеевич – все являлись благочестивыми русскими людьми. Его тетка Татьяна Михайловна (1636–1706), сводные сёстры Марфа (в иночестве: Маргарита, 1652–1707), Екатерина (1658–1713), Мария (1660–1723), Феодосия (1662–1713) и горячо любимая родная сестра Наталья (1673–1716) – все без исключения принадлежали к числу благочестивых православных верующих, никогда не покушавшихся на святые устои Веры Христовой, на церковные каноны и законы, удостоверяемые исторической традицией.

Пётр I на традицию не только покушался, но и легко, «одним указом», её перечёркивал и отбрасывал, что свидетельствовало о том, что духовного воспитания Царь-Император не полу-

чил, или получил явно недостаточное. Во всяком случае, все, кощунственные с точки зрения православной традиции, петровские известные «шутейные забавы», бесчисленные и умышленные унижения церковного клира иначе и расценить невозможно. Пётр I, не отрицая Бога, умалял, а по сути дела – отрицал, самозначимость Божьего установления – Церкви. Иначе, как богоотступничеством, подобную политику и назвать невозможно.

Неизвестно, каялся ли Пётр в своих грехах, в грехах перед Россией и перед Церковью, притом что православный обряд он в общем-то соблюдал, хотя в зрелые лета посты «не держал», на исповеди бывал время от времени. При огромном количестве сочинений о Петре I этот важнейший момент, раскрывающий религиозно-нравственный облик Царя от «древа Царского», так и не прояснён. Просто удивительно, что никто из историков (и неисториков), писавших о Петре, нравственно-духовную сторону личности Первого Императора фактически не затронул.

Здесь невольно возникает сравнение Первого Императора с Первым Царём Иоанном Грозным, который ощущал свои человеческие слабости и нравственные падения, в чём не раз признавался и каялся не только частным образом, но и перед церковными соборами, что свидетельствовало о живом чувстве Христапреданности в душе Иоанна.

У Петра же Алексеевича подобных покаянных слов найти невозможно. Неизбежно возникают две главные интерпретации подобного поведения: он или не ощущал своей греховности, или не считал нужным публично в том признаваться.

Если верно первое предположение, то тогда можно утверждать, что он был одержим страшным смертным грехом – гордыней, которую Иоанн Златоуст называл «болезнью души», «причиной всех зол».

Если же согласиться со вторым предположением, то, значит, Пётр Алексеевич считал отношения с Богом своим личным делом, что можно расценить как признак торжества протестантской религиозной философии. В православной же традиции у Царя «личного дела» быть не может; его душа открыта людям и миру; он ведь пастырь, обязанный вызывать не только страх и трепет своей властью, но и любовь чистотой души и высотой помышлений. «Царское дело» – это ведь «Божье дело», там нет места ничему «личному». Так было в случае с Алексеем Михайловичем, но его младший сын придерживался совершенно иного взгляда.

Не существует надёжных свидетельств того, что Пётр Алексеевич готов был порвать с Православием. При нём строились известные православные храмы. По его инициативе одновременно с закладкой Петербурга в 1703 году была заложена и первая церковь новой столицы – во имя Первоверховных святых апостолов Петра и Павла (Апостол Пётр – небесный покровитель Петра I). Имя Петра Первого неотделимо и от сооружения в Петербурге Исаакиевского собора.

Самым же замечательным духовным памятником, напрямую связанным с первым Императором, навсегда остался Александро-Невский монастырь (Лавра), который задумался Преобразователем как центральная и великолепнейшая обитель всей России.

Уместно ещё сказать и о том, что в России с 1700 по 1725 год было открыто около ста монастырей – этих русских обителей благочестия, милосердия и просвещения.

При всём том протестантский «уклон» религиозного сознания Петра трудно подвергнуть сомнению. Находясь в Западной Европе, он не раз отзывался с восхищением о Лютере. Существуют даже свидетельства, что во время своего первого пребывания за границей, с марта 1697 по август 1698 года, Русский Царь демонстрировал там удивительный вероисповедный индифферентизм.

Он обсуждал с различными лицами вопросы веры так, как будто Русь стояла на пороге нового религиозного обращения. Царь якобы даже рассматривал вопрос о признании Папы, от чего его отговорил Король Нидерландов Вильгельм (Виллем) III (1650–1703), посоветовавший русскому гостю «сделаться самому главой религии», как то было в протестантских странах,

без чего «он никогда не будет у себя полным господином». Хотя Царь напрямую данную рекомендацию в жизнь и не воплотил, но церковную организацию он полностью подчинил компетенции государства.

Царь не собирался ни отменять Веру, ни даже отделять Церковь от государства; он лишь намеревался, как удачно выразился Ф.А. Степун, «ввести её в государственный оборот». Эта философия власти в полной мере отразилась в собственноручном указе Петра I от мая 1722 года по поводу комплектования руководства Правительствующего Синода: «В Синод выбрать из афицеров доброго человека, кто б имел смелость и мог управлять управление синодского дела знать, и быть ему обер-прокурором и дать ему инструкцию, применительно к инструкции генерал-прокурора Сената». Первым главой Синода, «обер-прокурором», и стал полковник И.В. Болтин, «исполнявшим должность» с июня 1722 по май 1725 года.

Петровское «брадобритие» стало не просто введением новой обиходной нормы, но явилось покушением на духовную традицию. Патриарх Филарет в 1628 году соборно проклял это «псовидное безобразие». Брадобреев предавали проклятию патриархи Иоаким и Адриан (1690–1700). Сызмальства русский человек видел бороды на ликах святых, которые даже визуально являлись образцом и эталоном. Бритыми и в немецком, «фряжском» платье в иконографии обычно изображались бесы. В такой наряд было принято наряжаться на святочных представлениях, изображая нечистую силу.

Брадобритие считалось и знаком ереси, и вывеской «содомского греха». Митрополит Московский Макарий еще в середине XVI века писал, что «вопреки Божественной и Царской заповеди некоторые творят дела латынской ереси, накладывают бритву на свои бороды, творя угодие женам и поругаясь образу Божию; другие содевают срамные дела нецеломудрия». И вдруг сам Царь запретил бороды и повелел носить шутовской наряд повседневно, а потому и говорили, что «Царь нарядил людей бесом».

Царь много лет выступал гонителем всего русского, причём гонение не только часто было безумно-мелочным, но, надо прямо сказать, малорезультативным. Так случилось с его пресловутым указом от декабря 1701 года, называвшимся: «О ношении всякого чина людям немецкого платья и обуви и об употреблении в верховой езде немецких кресел».

Царь повелевал всем подданным, кроме «духовного чина, священников и дьяконов и церковных причётников и пашенных крестьян», носить исключительно одежду и обувь или немецкую, или французскую. Это касалось как мужчин, так и женщин, которым тоже предписывать вплоть до исподнего (!) носить только одежду заграничного фасона! Категорически запрещалось ношение «русского платья», включая сапоги и шапки, а «мастеровым людям» приказывалось подобной одежды и упряжи не делать «и в рядах не торговать». За нарушение повеления полагался значительный штраф, а «мастеровым людям» предписывалось телесное наказание.

Поразительно, насколько «вполне взрослый» Царь, которому шёл тридцатый год, не хотел считаться ни с какими обстоятельствами, со сложившейся народной традицией. Ведь быстрый переход на новую «форму одежды» был невозможен ни по финансовым соображениям («немецкое платье» было чрезвычайно дорогим), ни по природно-климатическим условиям. Щеголять в башмаках и тонких камзолах уместно было где-нибудь в Голландии или Германии, но не в России с её суровым климатом и многомесячной распутицей.

Однако Преобразователь ни с чем считаться не хотел; он вел себя как взбалмошный ребёнок, отдававшийся целиком импульсивным желаниям. Нет нужды говорить, что результатов быстрых на этой «ниве европеизации» он не добился: если царское окружение и восприняло подобные меры как норму, то основная Россия как жила традицией, так и одевалась традиционно. Штрафы и запреты мало помогали. Но при этом, безусловно, воля Царя оскорбляла и потрясала исконные миропредставления.

Нарочито и кощунственно выглядели петровские «всешутейные соборы», которые не могли восприниматься иначе, как глумление над Церковью, церковной службой. Участники и очевидцы подобных оргий могли воспринимать их как дьявольские игрища. Так, князь Иван Хованский (†1701) потом рассказывал: «Имами меня в Преображенское и на генеральном дворе Микита Зотов (дьяк, воспитатель Петра Алексеевича с 1677 года) ставил меня в «митрополиты» и дали мне для отречения столбец, и по тому письму я отрицался, а во отречении спрашивали вместо «веруешь ли», «пьешь ли», и тем самым своим отречением я себя и пуще бороды погубил, что не спорил, и лучше мне было мучения венец принять, нежели было такое отречение чинить».

Вообще вся личная жизнь Петра Великого – это какая-то бесконечная «грязная эскапада», которая неизбежно дискредитировала исторический облик Русского Царя, исстари считавшегося не только повелителем страны, но и хранителем моральных традиций, оберегателем нравственных устоев всего Царства.

Традиционный образ Христианского Царя дискредитировала в глазах народных и предосудительная семейная жизнь Петра I. По настоянию матушки – Царицы Натальи Кирилловны – его женили в 1689 году на Евдокии Лопухиной (1669–1731), к которой он никогда не питал симпатии. Этот брак принёс трёх сыновей: Алексея (1690–1718), Александра (1691–1692) и Павла (1693).

Пётр Алексеевич тяготился тихой, благочестивой супругой и быстро нашёл себе стороннюю привязанность в Немецкой слободе, в том самом Кукуе, который в царствование Алексея Михайловича считался прибежищем «нечистых» и «безбожной слободой».

Пётр уже в юности «проторил дорожку» в это злачное место за городской заставой на реке Яузе. В этом московском «оазисе Европы» он и находил себе разнообразные телесные улады. Москвичи между собой шушукались: «Царь на Кукуе и всяк день пьян».

Там, в доме виноторговца и карточного шулера Иоганна Георга Монса, он в 1690 или в 1691 году и познакомился с младшей дочерью хозяина Анной Монс (1672–1714). Этой родившейся в Вестфалии, плохо говорившей по-русски фривольной девицей, он увлёкся, да так серьёзно, что находился с ней в интимной связи более десяти лет. До этого у молодого Самодержца в «фаворитках» числилась подруга Анны некая «фройляйн» Елена Фадемрех, которую в Немецкой слободе называли «безотказной»...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.